

Ак – патр Алибабаевич Чугашвили

Школа для дурака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22978808

Аннотация

Вы никогда не читали о школе ничего подобного. Это история молодого человека, который устроился работать в обычную, российскую школу, и столкнулся с нескромным обаянием нашей системы образования. Главный герой окунётся в приторно – сладкую, пряно пахнущую человеческими пороками, среду. Нашего героя ожидают: интриги, зависть, злоба, и необходимость сделать выбор: остаться человеком, или подчиниться системе.

– Секретарша томно мотнула головой влево – Заходите, Милена Власьевна ждёт Вас.

Захожу в кабинет, кожаные кресла, стол т – образной формы, хозяйка кабинета стоит спиной к входу.

– Не пизди!

– Да... я...и не собирался – бормочу я, сконфуженный необычным началом собеседования.

– Не надо мне на уши приседать, делать будем так, как на совещании в департаменте договаривались – директор школы развернулась в мою сторону, и только в этот момент я увидел прижатую плечом к уху трубку телефона, и со стыдом понял, что все предыдущие слова были адресованы не мне.

– Всё, потом договорим, у меня совещание. (Без всякого перехода, на этот раз, обращаясь ко мне) – здравствуйте, Роман Викторович!

–Здравствуйте, Милена Власьевна.

Она делает паузу, и дотошно шарит взглядом по моему лицу (складывается ощущение, что она выискивает место для прицельного плевка), удовлетворённая увиденным, бросает –

–Вы молоды!

Звучит как обвинение, таким тоном обычно произносят – «вы вор» или как вариант «насильник», «убийца».

– Надеюсь, это не является уголовным преступлением, что я могу сделать для того, чтобы исправить эту досадную оплошность?

– Да нет, всё в порядке, просто я вас представляла более таким, зрелым что ли... Роман Викторович, я правильно понимаю, вы закончили истфак МГУ?

– Да, с красным дипломом.

– Очень хорошо, я хочу дать вам шестые, седьмые и восьмые классы, самые лучшие в нашей школе, зайчики, золотые деточки, наша надежда, наше светлое будущее...

– Простите, что прерываю Милена Власьевна, когда я проходил практику, мне говорили, что молодым специалистам обычно подсовывают самые слабые, недисциплинированные классы, если они такие «золотые», то почему с ними никто не работает?

– Неправильно вам говорили, просто ваш предшественник неожиданно уволился по семейным обстоятельствам, и у бедных деток три месяца не было истории, а они так любят ваш предмет, и со слезами спрашивают у меня – где, где наш учитель?

– Это другое дело...

– Так вы согласны?

– Да, я для этого и пришёл, чтобы...

– Замечательно, за расписанием зайдите к завучу, секретарь вам объяснит, где её найти.

Она встала для того, чтобы пожать мне руку, и дать мне насладиться её красотой. Хороша бабенция, чудо как хороша. Лихая, тотально наетая, розовая мужицкая харенция, заплывшие глазки поблескивают из – под короткой чёлоч-

ки, неизвестно откуда появившаяся в углу рта сигарета, ожерелье из нескольких дополнительных подбородочков кокетливо обвивает мощную шею, бесформенное тело укутано в безвкусную тряпку (нечто среднее между тогой и застиранной банной простынёй). Будь на моём месте Рубенс, вряд ли ему бы удалось сдержать эякуляцию. Заворожённый неземной красотой, я продолжал стоять посреди кабинета, Милена (для подчинённых Власьевна), присела, величаво закурила, непринуждённо и очень неторопливо закинула одну мощную ногу на другую (Шэрон Стоун в «Основном инстинкте», масштаб три к одному), внимательно отслеживая мою реакцию на промелькнувшее великолепие. Наверное, я чем – то себя выдал, потому что она удовлетворённо и победительно улыбнулась, и спокойно занялась бумагами, не обращая на меня больше никакого внимания. Простояв несколько секунд, я заторможено развернулся и вышел в приёмную.

– А где я могу...

– Зайдите в 403 кабинет, там вам всё объяснят.

Табличка на 403 кабинете гласила: История. Хозяин кабинета жевал, в положении полулёжа, блаженно закрыв глаза и вольно отставив левую руку с многоэтажным сэндвичем.

–Здравствуйте, я...

Он возмущённо замычал, и энергично замахал бутербродом, призывая меня заткнуться, и не портить ему удовольствие, по – прежнему не открывая глаз. Неторопливо, тщательно прожевав пищу (всё по науке), он приоткрыл ближ-

ний ко мне глаз – ты... (длинная пауза)...кто?

– Учитель истории.

– А, взамен свежеумершего Миши, привет!

Он грациозно вытер пальцы о лежащую перед ним тетрадь, и, шмякнув на неё истекающий майонезом сэндвич, протянул пухленькую, короткопалую руку – здорово!

–Простите, не расслышал, как вас зовут?

– Гхы, не расслышал он, я и не называл себя, поэтому ты и не расслышал. Давно работаешь?

– Нет, я только после института.

– Молодой специалист, значит, знаешь разницу между молодым специалистом и старым?

– Нет.

– Молодой специалист не умеет работать, а старый умеет не работать! Смешно, да? Я не успел отреагировать, а «старый специалист» уже визгливо расхохотался, выплёвывая не до конца прожёванные куски бутерброда на детские тетради. Всегда любил людей, увлечённо смеющихся над собственными шутками – сам себя не похвалишь, три дня как оплётанный. Отсмеявшись вдоволь, он вытер лицо рукой, и старательно, пальчик за пальчиком протёр об тетрадь, оставляя жирные, масляные пятна. Проследив мой удивлённый взгляд, небрежно заметил – детские тетрадки, они такие свиньи, эти наши маленькие «зайчики», никакого представления о порядке, сдают замусоленные, мятые тетрадки, а я ковыряйся в этом дерьме.

– Я хотел спросить...

– Ты учти, если собираешься чему – то учить этих даунов, то это – напрасный труд, они ничего не учат, и ничего не понимают, побольше задавай им, пусть больше пишут, планы, конспекты, что там ещё... да, к администрации обращаться бесполезно, завучи ничего не делают, и ни в чём не разбираются...

– А директор?

– Она ничего не решает, завучи ей вертят, как хотят, это – целая банда, ну сам поймёшь скоро, ладно, заболтался я тут с тобою, некогда мне, тетради проверять надо, пока! Он снова протянул мне пухлую руку, после рукопожатия цепко схватил начатый бутерброд, и ожесточённо откусил большую его часть, левый глаз его, начал блаженно закатываться, пока товарищ окончательно не впал в гастрономическую нирвану, я решил попытаться счастья – вы сказали вместо «свежеумершего Миши»?

Движение мощных жвал резко остановилось, полузакрытый, подёрнутый плёнкой глаз ясно и яростно вытаращился в мою сторону – фто?

– Как «свежеумерший»? Директор сказала, что он по семейным обстоятельствам уволился.

– Ифёш ты на х... какие семейные обстоятельства (он, наконец прожевал), да он умер месяц назад, у него эпилепсия была, ещё он пил по – чёрному, у станции тошниловка есть, «У Леопольда» называется, там он и загнулся, прямо за сто-

ликом.

– А директор мне сказала...

– Какая разница, чего она сказала (он начал орать, медленно, и как – то снизу, от шеи, наливаясь кровью), я тебе говорю – умер.

– Понятно, а где мне завуча найти?

– Падлу Трахимовну что – ли?

– Как? Падл...

– Это я её так ласково называю, её имя Падэлла Трофимовна, якобы французское, на самом деле жидовка, тухлая, наглая, гаже не бывает. Её кабинет на втором этаже, спустишься по лестнице и налево.

– Спасибо.

– Ага, и тебе спасибо, за испорченный обед, бывай.

Оставив товарища получать гастрономические оргазмы, я спустился на второй этаж, пройдя налево, заглянул в первую попавшуюся дверь, за которой несколько тёток увлечённо пили чай,

– Мне нужна Падла...мм

Громкий хохот показал мне, что я ошибся дверью, извинившись, иду дальше и натыкаюсь на дверь с табличкой «Заместитель директора по учебной части Марусинская П.Т» – ну точно, Падэлла Трофимовна, мне сюда. Приглушённый свет, полная герметичность, полное отсутствие воздуха, сбивающий с ног табачный перегар...

–Что вы хотели?

– Мне нужна Падла Тра...

– Вот же урод!

– Что, простите?

– Вы – учитель истории?

– Да, мне в 403 кабинете сказали...

– Я поняла, что вы уже побывали в 403, могли бы не объяснять. Запишите, чтобы не забыть, меня зовут Па – у – ли – на Те – о – д о – ро – вна, что вы так смотрите, имя немецкое, дворянское, я заместитель директора по учебной части. Вот ваше расписание, переписывайте, завтра сдайте мне поурочное планирование, и учебную программу, каждую в отдельный файл и мне под дверь, иначе не приму, на следующей неделе приду к вам на урок (надеюсь, что не умру от скуки). Зайдите ещё раз в кабинет 403, этот толстый недоумок с которым вы разговаривали – руководитель вашего МО, пусть объяснит вам, что и как. У вас ещё что – то? Нет? До свидания.

Возвращаюсь в 403, «толстый недоумок» уже прикончил бутерброд, и теперь запивал его чаем, шумно прихлёбывая и блаженно отдуваясь, увидев меня, он радостно осклабился –

– Что, пообщался с Пропадлиной Крохоборовной? Понравилось? Она баба утончённая, местечковая дворянка из – под Зелёной Балки, бомонд, панимаешь..

– Я смотрю, коллектив – то у вас дружный, товарищество, чувство локтя в области печени, всё как у людей.

– Что есть, то есть, этим наша школа всегда славилась.

– Завуч мне сказала, что вы – руководитель методического объединения, введёте меня в курс дела?

– Кто? Я? Ах, да, точно, а я думаю, за что мне ещё две штуки к зарплате прибавили, я же руковожу метод объединением. Руковожу, руковожу. Чего ты хотел узнать?

–Я..

Дверь открылась, в кабинет (наклонив голову вперёд, словно идя на таран) вошла (ворвалась, влетела) завуч, и с ходу (будто продолжая, начатый в коридоре разговор) напористо понесла

– Открываем тетради, записываем. На следующей неделе конкурс проектов, ваше метод объединение должно представить два проекта, один по истории, один по обществознанию, в конце месяца седьмые пишут диагностику с наблюдателем, у кого седьмые? У вас Роман Викторович? Отлично, процент качества не должен быть ниже 78, напоминаю по поводу журналов, не менее пяти оценок за урок, у каждого учащегося должны стоять оценки через каждые два урока, вы не заполнили журнал надомников, денег я вам за надомное обучение не заплачу, получите в следующем месяце – она по фехтовальному выставила указательный палец, и остановила его в нескольких сантиметрах от кончика носа хозяина кабинета – вам поняатно (гнусаво растягивая букву а)?

Короткопалый моментально преобразился, от бывшей вальяжности не осталось и следа, он подскочил, засеменял пухленькими ножками, совершая кругообразные забеги вокруг

завуча, периодически и очень нежно дотрагиваясь до её рук, плеч, спины поглаживающими, ласкательными движениями.

– Паулиночка Теодоровна, голубушка, да как же так, не может быть, я точно помню что заполнял, проверьте пожалуйста, это какая – то ошибка, мне деньги теперь очень нужны, Витя ногу вывихнул, жена вставляет зубы, я без денег не могу, выручите меня, я как раз Ромику говорил, как преобразилась наша школа с того момента, как Милена Власьевна и вы встали во главе (он посмотрел на меня страшными глазами, и дёрнул головой – давай, подтверждай), а у меня для вашей Сашеньки подарок (словно фокусник, он выхватил, откуда – то целлофановый пакетик с игрушками) Витенька собирает киндер – сюрпризы, получились повторы – одинаковые игрушки, дай думаю, Сашеньке подарю, пустячок, а приятно (он мягко вложил ей пакетик в правую руку, и, замер, просительно сложив лапки на груди, и стал похож на вертикально поставленного мопса).

Завуч сжала пакет с игрушками с такой силой, будто хотела их раздавить, затем выдохнула, и резко вышла из кабинета.

– Гнида блядь, «не заполнили журнал», видел как я её? Заплатит, никуда не денется.

– Да, ловко ты с ней, сразу чувствуется навык, слушай, хотел спросить, а как у вас...

– Сколько времени сейчас? Уже два? Я сегодня опоздал, поэтому хочу уйти пораньше, давай все вопросы решим в

рабочем порядке, мне ещё в библиотеку надо заскочить, ну давай, пока – всё это он произнёс скороговоркой, провожая меня до двери кабинета, мягко и одновременно твёрдо поддерживая ладошкой мой локоть.

– Всё, пока – пока.

2.

Придя к первому звонку, я обнаружил класс переполненным, жаждущие знаний ученики заняли все парты. Смех, мощные басы из портативной колонки, бодрая матерщина, всё это продолжалось, несмотря на первый, и (последовавший за ним) второй звонок. Детишки просто не обращали внимания на меня, и спокойно занимались своими делами. Как мне разбить «стену непонимания» между мной и учениками, чьи резцы нетерпеливо оскалены, и жаждут попробовать гранита науки? Кричать? Это – потеря лица, да и неизвестно какой будет реакция. Уговаривать? Это – проявление слабости, ну ладно, попробуем по – другому.

– У каждого учителя есть свои способы для того, чтобы привлечь внимание незаинтересованных учеников. Учитель музыки в моём случае мог бы запеть, и тогда вы бы его услышали, а в одной из тех школ, где я работал ранее, была учитель химии по прозвищу «мартовский заяц». Вам интересно узнать, почему её так называли?

Недоумённые взгляды тех, кто сидит на первых партах, подсказывают мне, что они не поняли кто я, и о чём говорю, но их внимание я привлёк. Подхожу к первой парте, и сильно

барабаню по поверхности двумя ладонями – бац – бац – бац, получается хорошо, звонко, наслаждаюсь эффектом секунд тридцать. Растёкшийся по первой парте, огромный, бесформенный, словно дохлый морж, белобрысый пацан подавился чаем, бурая жижа хлынула носом, пуская ноздрями пузыри, он кашляет, и натужно втягивает ртом воздух, издавая звуки похожие на те, которые производит унитаз, всасывая остатки воды.

– Ну что же ты, солнышко, не в то горло попало, да? А так хорошо всё было, достал термос, отхлебнул, и вдруг... бяда – а. Досада. В следующий раз пей чаёк на перемене, это понятно милый? Памятуя главное правило успешного продавца – клиента надо ошарашить натиском и брать тёпленьким, хватаю первого попавшегося утырка за рукав – ты, иди к доске, пиши все даты по истории России, какие помнишь, даю пять минут, затем, называешь дату и событие, а также его основных участников, причины произошедшего и последствия. Вопросы есть? Вопросов нет, работай. Выхватываю из рук другого игровую консоль, пресекаю его возмущённое бульканье жестом – иди к доске, рассказывай параграф, не помнишь, какой задавали? Будем вспоминать вместе. Остальные, пишем план – конспект параграфа номер 13.

– Мы не умеем!

– А составлять простой план?

– Не умеем!

– А тезирование умеете, тезисы выписать?

– Не умеем, и что такое тезис мы тоже не знаем!

– А цитировать?

– Не умеем!

– А читать?

– Не уме..а– а, читать мы умеем!

– Умнички, видите как всё здорово, буквы узнаете, и даже знаете какого цвета у вас учебник, да вы практически отличники, я уже слышу нежный звон золотых медалей, я всему вас научу, сейчас памятку продиктую о том, как составлять план – конспект, ну а тем, кто совсем «не умеет» я раздам карточки с вопросами, ответы надо найти в тексте параграфа, но максимальная отметка за такую работу, это «три».

Ну, вот так, всем по жопе, и отдыхать – а теперь ты, давай рассказывай всё, что знаешь, про Отечественную войну 1812 года. Что? Пётр Первый начал, напав на Мамаю? Так ты и Петра знаешь? У нас всё получится, теперь я в этом не сомневаюсь.

3.

Насыщенные уроками, и подготовкой к ним, дни летели с ужасающей скоростью, завуч требовала сдать рабочую программу, не имея понятия о том, что она собой представляет, я решил проконсультироваться у «короткопалого». С трудом продравшись через толпы орущих, потных, краснолицых от беготни на переменах школьников, хаотично перемещающихся по тесным коридорам, захожу в 308 кабинет. «Короткопалый» сосредоточенно изучает что – то на мони-

торе, подойдя ближе, обнаруживаю, что глубокий мыслитель проводит перемену, наслаждаясь, порнухой в стиле «дедушка и внучка».

– Единую коллекцию цифровых образовательных ресурсов изучаете?

Лицо старого работника образования не дрогнуло ни единым мускулом, он неторопливо закрыл вкладку, потянулся, и спросил: – У тебя не бывает такого, набираешь в поисковике «земская почта Вятской губернии во второй половине 19 века», а компьютер выдаёт тебе «волосатый пирожок» или «девки писают»?

–Нет, у меня не бывает.

– У меня постоянно, что – то с ноутбуком, надо Фиме отнести (это наш компьютерный гений), пусть посмотрит, наверное, вирус какой – то.

– Наверное (зачем расстраивать коллегу, сообщая ему, что поисковик выдаёт ссылки, основываясь на предшествующих запросах и предпочтениях пользователя).

– Ну, как дела, молодой специалист?

– Да я как раз по этому поводу, хотел спросить, что такое «рабочая программа»?

– О, это брат беда, это те цели, которые ты как педагог ставишь в процессе обучения, а также средства и методы их достижения. Это расписанная по дням программа обучения на целый год, короче это – целая книга.

– А где её взять?

– Да они продаются в магазинах педкниги, проблема в том, что администрация требует от нас, чтобы мы писали их сами, и не принимает уже напечатанные в книжном варианте, «это продукт вашего творческого трудааа, ваш рабочий инструмент».

– Знакомые интонации.

– Угу, страна знает своих героев.

– Так чего делать – то?

– Пиши, по каждому классу, по каждому предмету, сколько классов, столько программ.

– Это займёт месяцы.

– Правильно, поэтому я полазил по сети, по сайтам провинциальных школ (у них это извращение уже несколько лет практикуется) и...эврика! Нашёл, то, что нужно, поменял исходные данные, и сдал одним из первых.

– А если проверят?

– Кому это надо? Никто не будет тратить на это время. Грех утаённый, наполовину прощённый.

– Ясно, у меня такой вопрос, здесь в каждом классе есть урод, у которого нет учебника, тетради, и которого невозможно заставить что – либо делать, как поступать с такими, администрацию привлекать, вызывать родителей?

– Бесполезно, обвинят тебя «не нашёл подход к ребёнку», родители наловчились писать жалобы в департамент, администрация ходит с обосранными от страха ляжками, и вместо того, чтобы защищать учителей, во всём их обвиняет, это

проще чем наводить порядок в школе.

– Так чего делать – то?

– Ничего, плюнь на этих дебилов, сидят и хрен с ними, а то будет как с математичкой, молоденькая такая была, ты не застал.

– А что с ней случилось?

– Директор на совещании запретила выпускать детей в туалет на уроках, наши зайчики курят в туалетах. Её спросили – как вообще не выпускать, совсем? Совсем. Но мы же опытные педагоги, и понимаем, что в каждом «совсем» есть исключения, детишки на переменах нажрут чипсов, запьют газировкой, их пучит (пердят так, что я к последним партам подойти боюсь – глаза режет), животы крутит, как можно их не выпускать? Да они мне весь кабинет уделают. А математичка молоденькая была, сразу после института, и восприняла всё буквально, у неё на уроке пятиклассник пустил тёпленького по штанине.

– И что?

– Родители пишут жалобу в департамент, дурочку уволили, а в чём её вина? В том, что она старательный, исполнительный работник, то есть – дура непроходимая.

– Но она же выполняла распоряжение директора?

– Правильно, за это её и уволили. Ты в армии служил? Нет? А я служил, и вынес оттуда один полезный урок – не торопись исполнять приказ, его могут отменить. Для того чтобы я что – то сделал, мне надо повторить двадцать раз, бери

пример с детишек, гляди на завуча с детской непосредственностью – как, я не выполнил ваше распоряжение? Не может быть, а я думал это не срочно, а я забыл, простите дауна, тяни время, а то будут гонять тебя, оно тебе надо – жопу морщить по любому поводу?

– А так можно?

– Нужно, иначе ты здесь надолго не удержишься. Я здесь работаю десять лет, ты – пятнадцатый учитель истории на моей памяти, некоторые и полгода не проработали.

Прозвучала мелодия «подмосковных вечеров», актуальные хиты середины двадцатого века заменяют традиционные школьные звонки.

– Ладно, увидимся.

– Пока.

Мне надо успеть спуститься с четвёртого этажа на первый, до того, как прозвенит второй звонок, иду по коридору и вдруг чувствую, что рубашка на спине мокрая, вода стекает между лопаток. Громкое, многоголосое, довольное ржание за спиной, подсказывает мне причину произошедшей неприятности. Разворачиваюсь, стоят трое парней, девяти – десятиклассники, в руках одного бутылка с водой. Неспешно подхожу, обладатель бутылки нагло ухмыляется – чего, бутылочка – то закрытая, это не я!

Друзья радостно гогочут, и достают мобильники, надо снять момент унижения учителя, а затем запостить с каким – ни будь веселым заголовком типа «опущенное учительское

чмо».

– А я тебя ни в чём не обвиняю, дай бутылку, в горле пересохло.

Кручу бутылку в руках, действительно, крышка на месте, что, сделали меня сопляки? Направляю

бутылку ему в лицо и сильно нажимаю на нижнюю часть – струя воды смывает с лица ухмылку, превращает причёску в мокрый хохолок (в пробке проделаны отверстия, невидимые глазу), держу пацана за шиворот (он пытается уклониться от спа – процедуры) и не отпускаю до тех пор, пока бутылка не опустела.

– Действительно, это был не ты, прости, что оскорбил тебя незаслуженным подозрением. Держи свою бутылку.

Прятели пострадавшего гогочут – петух, он тебя опарфинил, твоё место у параша, сегодня же на ютьюб всё зальём!

Парень бросает бутылку в одного из друзей – отдай трубу, или сам удали видео, поймаю, полжизни отниму! Стойте суки!

Оставив шалунов выяснять отношения, спускаюсь на первый этаж, завуч уже караулит, нетерпеливо поглядывая на часы.

– Дети должны быть в кабинете после первого звонка.

– И вам доброе утро, Паулина Теодоровна.

– Почему вы опоздали?

– Я не опоздал, я задержался.

– Дети ждут вас в коридоре.

– И что?

– Как это что, де – ти ждут ва – ас!

– Маринованное мясо вкуснее сырого.

– Что, простите?

– Ничего страшного, подождут.

– Вы не понимаете...

– Всё я понимаю, не надо делать из мухи слона, подумаешь, опоздал на тридцать секунд.

– Ах вот оно что, понятно. Я вижу, что вы не совсем понимаете значимость трудовой дисциплины, ну ничего, мы это исправим. Сегодня после седьмого урока совещание в кабинете химии, будьте добры не опаздывать.

4.

Совещания вызывают у учителей прилив неподдельного энтузиазма, степенные матроны достают вязание, журналы с телепрограммой, планирование, книги – всё говорит о том, что коллектив буквально дрожит от нетерпения: о чём же пойдёт речь на этот раз?

– Коллеги, наша повестка включает три пункта. Переход на новую систему финансирования, затем Паулина Теодорова по журналам, и наконец «разное». Постараемся побыстрее, чтобы не задерживать вас, я понимаю – у всех уроки, продлёнка, подготовка, поэтому буду говорить только по делу, часа в два я думаю, уложусь. – Коллеги, мы живём с вами в условиях рыночной экономики, и эти самые условия

диктуют нам свои суровые законы. Со следующего года мы переходим на подушевое финансирование, это означает, что теперь наши с вами зарплаты напрямую будут зависеть от того, сколько человек учится в нашей любимой школе. Раньше финансирование школы осуществлялось согласно штатному расписанию, система разрядов позволяла нам не беспокоиться о завтрашнем дне, вы получали зарплату в зависимости от вашего разряда и количества часов, теперь же зарплата будет зависеть от количества учащихся, а также от того, насколько активно вы участвуете в районных, городских мероприятиях, то есть от того, какой вклад лично вы вносите в рейтинг нашей школы.

– О чём она, я вообще не понимаю ни слова, а?

– Она говорит о том, что теперь в школу будут брать весь сброд, который ранее отсеивали (это называется – подушевое финансирование), чем больше ученичков, тем выше зарплата.

– У кого она будет выше?

– Ты чего, тупой что – ли? У администрации, конечно же, умные люди наверху приняли решение передать вопросы начисления зарплат в руки директоров, теперь зашикуем бля.

Директриса продолжала вещание: Ограничиться одним проведением уроков не удастся, обязательным будет участие в олимпиадах, я имею в виду не только всеросс, но и московскую олимпиаду школьников, Ломоносовскую, музейную олимпиаду (это касается классных руководителей).

Обязательным будет участие в конкурсах учительского мастерства, проектная деятельность. Те из вас, кто не будет активно участвовать в этих мероприятиях, будут получать маленькую зарплату, мы будем начислять баллы за активное участие, суммировать их, выводить коэффициент, на основании которого будет рассчитываться бонусная часть вашей зарплаты. Новая система финансирования открывает перед нами широкие возможности...

– Перед вами открывает, а мы теперь будем последний хер без соли доедать.

– О чём ты?

– Ты чего, правда, не въезжаешь? Короткопалый вытащил ручку, и нарисовал на листке один толстый кружок, о вокруг него несколько кружков меньшего размера.

– Вот это (стержень упёрся в толстый круг) – директор, а эти (он обвёл кружки меньшего диаметра) – рыбы – прилипалы, все эти завучи (он выплюнул это слово так, будто оно было чем – то, что оскверняло его рот своим дурным вкусом), близкие к телу, через эту стаю не пробьёшься, у нас действует принцип – кто первый добежит, того она и слушает, они всегда доносят ей информацию в нужном им виде, в любой ситуации виноват учитель, проще найти козла отпущения, чем наводить в школе порядок. Эта кодла нарисует себе сладкие зарплаты, а мы будем сидеть на копейках.

– А как же результаты, их ведь не подделаешь?

– Смешной, они себе хорошие баллы в любом случае на-

рисуют, мы даже не узнаем.

... Ради сохранения в коллективе мира, и спокойствия, и во избежание неприятных инцидентов, я советую вам не обсуждать размер ваших зарплат...

–Во! О чём я и говорю, размер зарплаты теперь – тайна, соси болт эконоом – класса и не смей интересоваться, а как там у других?

..Но, переход на новую систему финансирования зависит от вас уважаемые коллеги, весь город переходит на неё постепенно, но нашей школе (в виде исключения хе-хе) позволили сделать это раньше на целых два года. Для этого необходимо единогласное решение всего педагогического коллектива. Коллеги, я рассчитываю на вашу поддержку.

Похожая на обезвоженную цаплю, тощая тётка с бесцветными, жиденькими прядками, уныло висящими вдоль лица, оживлённо затрясла красноватым носом, и неожиданно вскрикнула – а наши зарплаты точно вырастут, а то я, как бывший бухгалтер, разбираюсь в подобных вещах и...

– Конечно, вырастут, Лия Павловна, всё это делается ради блага коллектива (директор смотрела на «цаплю», нехорошо, и многообещающе улыбаясь, в этот момент, я почему – то вспомнил оскал белой акулы перед атакой), «цапля» осеклась, и продолжила другим голосом – ну, конечно же, мы поддержим нашу администрацию, начинание ведь хорошее.

– А новая зарплата будет в условных единицах? (короткопалый).

–Нет, наша валюта – рубли, но размер зарплаты вырастет, это я могу вам гарантировать (с моего места было видно, что руки директрисы отчётливо и явно дрожат), ну так что, коллеги, голосуем?

Короткопалый громко проорал – да давайте уже, чего там тянуть, все хотят больше получать!

Увидев моё удивлённое лицо, он гаркнул – давай, поднимай руку, чего смотришь?

–Решение принято единогласно, секретарь отметьте этот факт в протоколе педсовета, ну а теперь о неприятном, вы прекрасно знаете, что у нас уже который год, получается, сформировать только один десятый класс. Выпускники девятиклассники массово, я подчёркиваю этот момент – массово уходят в другие школы, колледжи. Причины? Они сами, и их родители откровенно говорят, в вашей школе не преподаётся химия и биология, а нашим детям она нужна для поступления в вузы. Как вы думаете, приятно это слышать мне, как руководителю образовательного учреждения?

–Нам элементарно не хватает часов, я хорошо уроки веду, правильно, просто материала много, а я...

– Да я вам дам столько часов, сколько необходимо, найду возможность, но ведь дело не в этом, я зашла к вам во время урока в среду, и что же я увидела? Половина класса сидит в телефонах, остальные болтают или спят, это по – вашему значит вести уроки «хорошо»?

– Я со своим классом готовилась к конкурсу, мы разучи-

вали танец, а...

– В урочное время? (директриса медленно побагровела, откуда – то снизу, с того места, где у женщин обычно располагается бюст, поднимался свекольного цвета румянец, постепенно заливая шею, и щёки).

– Я..

– В общем так, я сейчас не буду тратить на это время, если ситуация повторится, то я буду принимать меры организационного характера. Дети уходят, нет нагрузки, а значит, нет зарплат, это вы лишаете своих коллег тех денег, которые они могли бы получить, работая в двух десятых и двух одиннадцатых классах, вместо одного.

Завуч азартно подскочила – а можно я скажу, Милена Власьевна? (не дожидаясь ответа, без паузы, как – будто продолжая неоконченную речь) – сколько раз я говорила, пять оценок должно стоять в журнале, каж – дый у – рок! Пять! Оценок! Откройте ваши журналы, почему вы не планируете опрос? Что, убеждение уже на вас не действует? Милена Власьевна, нужно принимать другие меры, они не понимают! А какой процент качества вы даёте? В гимназических классах он не может быть ниже 78! А что у вас? 50 процентов? А в девятом «а» вообще тридцать! Что это такое? Вы что творите?

Вступила директриса – за что государство платит вам такие деньги? Почему такой низкий процент качества? Нам необходимо попасть в топ – триста школ в этом году, как мы

это сделаем с такими результатами? Вы все учителя первой и высшей категории, почему не налажен учебный процесс? Не справляетесь с работой, пишите заявление по собственному желанию, я никого не держу! Со следующей недели, я и Паулина Теодоровна выходим на уроки, будем проверять ваше педагогическое мастерство, смотреть ваши конспекты, мы вам устроим!

–Я всё проверю, устрою методический разбор урока, вам мало не покажется, классные руководители составьте списки учеников, у которых одна тройка, и одна четвёрка, будем работать с предметниками для того, чтобы исправить эту ситуацию, списки вложите в файл и подсуньте под мою дверь.

Завуч и директриса были похожи на боксеров, прошедших на ринге полные двенадцать раундов – побагровевшие лица, тяжёлое дыхание, и в то же время, на их лицах было выражение какого – то извращённого сладострастия.

–Заметил, да? (горячо забормотал мне на ухо короткопалый), сучки тащатся, склонили нас к принятию решения, заставили одобрить новую систему финансирования, а теперь поливают дерьмом, и получают от этого удовольствие, вот ведь твари, а?

– Да кто тебя заставлял, ты же сам...

–Да ты не понял ничего, они бы всё равно нас заставили, я просто ускорил процесс, и сделал его менее болезненным, вот и всё, я брат этих блядей знаю, с ними по – другому нельзя.

Директриса: И ещё одно, поскольку у нас с вами должна быть шестидневная рабочая неделя, а фактически мы не учимся по субботам, то шесть суббот нам придётся выходить на работу, учащиеся одиннадцатого и девятого классов будут писать пробный ЕГЭ и ГИА соответственно, Паулина Теодоровна доведёт вам график, кто из вас в какую субботу работает. На этом всё.

Сконфуженное учительское стадо понуро потянулось к выходу, в коридоре «цапля» начала кипятиваться – с какой стати мы должны работать по субботам, где такое написано? Я – бывший юрист, я законодательство знаю, я в прокуратуру письмо напишу, что это за отношение?

В этот момент в коридор вышла директриса, оживлённо разговаривая с завучем. «Цапля» сменила тон на бодро – верноподданнический: Раз начальство говорит – надо, значит – надо, что нам, тяжело, что ли? Поработаем в субботу! Да? Коллеги?

Директриса прошла мимо, не обращая внимания на импровизированную акцию в поддержку решений начальства, «цапля» шмыгнула в свой кабинет, короткопалый продолжал разговор со мной (как ни в чём не бывало) – теперь начинаешь понимать, как всё устроено в нашей школе? Кастовое общество, как в Индии, есть администрация – «брахманы», им можно всё – пропускать уроки, работать, не имея планирования, не посещать родительские собрания, не заполнять журналы, потому что они близки к телу, к целлюлитному

телу этой овцы тухлодырой, которая развалила всю школу, и есть мы – «неприкасаемые», мы должны работать и молчать, будешь возмущаться – не получишь нагрузку, « у нас нет часов для вас» – до свидания. Я попросил Рюрикович пораньше уйти (пацан в больнице, ногу сломал) – пишите заявление за свой счёт, а Протухлина по полгода на больничном, а то и просто не приходит, на каникулах вообще не приходит «я не собираюсь работать за идею», и всё сходит с рук. Заглянул на её страницы в журнале – с октября не заполнено, а сейчас март! А мне эта сука неприятная пишет «не заполнены темы уроков за последнюю неделю», это что такое? В 7 «а» пацан новый пришёл, его поймали в раздевалке – по карманам шарил, веду его к ней, и что ты думаешь? «Я этим заниматься не буду, вам что, больше всех надо?»

– Зачем вы это терпите?

– Все терпят, кроме меня, один я на первом краю борьбы, я как орёл, бросаюсь с высоты на любую помойную несправедливость, готов биться, просто сейчас я не могу позволить, чтобы меня уволили, пацан в больнице, жена зубы вставляет – деньги нужны, поэтому приходится мимикрировать, изображать комсомольский задор, но как только у меня всё устанет, я опять вернусь на передовую, ты даже не сомневайся. Это остальные трусы, поворчат и разойдутся, я – не такой.

– Понятно.

– Да ничего тебе не понятно, ты женат?

–Нет.

–Дети есть?

– По – моему нет.

–По – твоему нет? Шутишь? Ты – один, тебе легко рас-
суждать, ответственности никакой... .

–Ладно, потом договорим, мне уходить надо.

– Ну ладно, пока.

5.

–Я на уроке у вас поприсутствую.

– И вам здравствуйте, Паулина Теодоровна. Присутствуй-
те на здоровье, только обещайте себя хорошо вести.

–Ч – что простите?

– Шутю.

– Послушайте, я сама люблю юмор, но ведь есть же гра-
ницы... .

– С удовольствием послушаю ваши мысли о юморе, толь-
ко как-нибудь в другой раз, уже был второй звонок, пора ра-
ботать.

Завуч возмущённо выдохнула, и, потряхивая головой, по-
шла к последней парте (внутренний диалог надо думать, то,
что психологи называют общением с воображаемым партнё-
ром).

– Здравствуйте восьмой «а»!

– Здряаа– сте.

– Садитесь, староста назовите отсутствующих.

– Шимазян.

–Болеет?

– Ему ногу сломали.

–«Сломали»?

– Он активист «анти табака», сделал замечание курящему мужчине, а тот как дал ему по колену, хрусть – и – пополам.

– Достойный поступок.

– Это вы про кого, про Шимазяна, или про мужика?

– Про обоих. А как он может быть активистом «анти табака» если он сам курит, я его в прошлую среду из туалета выгонял?

– Одно другому не мешает.

– Мм, диалектика.

– Чиво?

– Не забывайте это слово, а то раз, и всё – вся память занята, всё переходим к теме нашего урока, она парадоксальным образом связана с ситуацией, в которую попал Шимазян.

–Больница?

–Курение?

–Нет, тема урока – свобода. Давайте поиграем в ассоциации. Какие ассоциации вызывает у вас слово «свобода»? Вы произносите их вслух, а я записываю на доске, затем посмотрим, что у нас получится. Начали.

– Каникулы!

–Есть, записал, ещё.

– Родители уехали на дачу!

– Хорошо.

– Много водяры и девки!

– Уаа! (общий восторг, даже у тех, кого называли «девками»).

– Можно, я не буду это писать? Ещё!

– Отсутствие запретов!

– Есть.

– Компьютерные игры, с утра до ночи, без перерыва! Дота!

– Угу, записал.

– Делаю чего хочу!

– Хорошо, достаточно, давайте разбираться. Что общего между всеми, предложенными пунктами?

– ?!

– Давайте подумаем, почему у вас такие разные представления о том, что такое свобода?

– Мы и сами разные, я не люблю компьютерные игры, люблю спорт, а у кого – то шары на лоб лезут при виде заставки клэш оф клэнс.

– А мне кажется, что настоящая свобода – это, когда никто не указывает тебе, что тебе делать, ты сам решаешь.

– Свобода, это когда можно всё.

– А такое бывает? Чтобы можно было делать всё? А если тебе захочется убить кого –нибудь?

– Убью с удовольствием, в этом и есть свобода!

– А как насчёт тюрьмы? Посидеть за убийство?

– Нет, это не катит, это несвобода.

– Хорошо, перечисляем: каникулы, родители на даче, водяра, отсутствие запретов – что объединяет эти слова?

– Э – э, типа...блин, как это...

–Это же то, что мы можем выбирать, как провести свободное время.

– Вот оно, свобода это – выбор! Без возможности выбора свободы нет. Легко ли делать выбор? Ситуация. Вы плывёте на лодке с вашим отцом и дедом, лодка переворачивается, отец, и дед не умеют плавать, кого вы спасёте?

–Не знаю.

–А люди – то тонут, время идёт.

– Отца.

– Почему?

– У меня деда нет, поэтому отца.

– А если серьёзно?

– Отца, дед уже старый, пожил и хватит с него.

– Любящий ты внучек, хорошо, меняем условие, с вами в лодке ваш отец и сын, кого будете спасать?

–Сына, кого же ещё.

– Ага, а отца уже не жаль?

–Ну, это...как его...сын же вроде как мой...родной,... а отца тоже жаль,..а обоих чё спасти нельзя?

–Нет, нельзя. Легко было делать выбор?

– Тяжело.

–Почему?

– А чё за выбор такой, дурацкая задача, мой отец умеет

плавать, он меня и научил, шняга блин...

– Да не тупи, это же не по – настоящему...

– Тяжело выбирать, потому что оба – близкие мне люди.

– Воот, правильно, французский философ Буридан рассказывал притчу об осле, которого поставили между двумя равноудалёнными охапками сена, не зная какую из них выбрать, он умер от голода...

– Чё за бред, осёл сожрёт обе!

– Гы – хы, точно!

– Ребята, эта история вовсе не про осла, она о человеке, почему нам трудно делать выбор в ситуации, когда вариантов выбора много? Вы приходите в магазин за стиральным порошком, а там несколько рядов, десятки марок, сотни наименований, что выбрать?

– Досю, я про неё рекламу видел, видали – спартаковский порошок, е – е – е – е хрю – хрю!

– Ладно, другой пример – какую профессию выбрать, вы уже определились?

– Батя сказал, что мне надо юрфак закончить, он мне фирму купит.

– А я в менты пойду, взятки брать!

– У меня отец – водитель, и я водителем буду!

– А я хочу на телевидение попасть...

– С твоей – то рожей? В шоу уродов что – ли?

– Козёл, на себя посмотри!

– Спокойно ребята, без оскорблений, ну вот видите, вы

уже примерно представляете, кем вы будете после школы, у вас есть возможность выбирать, это мы и запишем в качестве вывода – свобода предполагает наличие выбора между равными возможностями. Записали? Хорошо, а можем ли мы удовлетворить все наши желания, ведь мы все достойны лучшего, не так ли?

– Все желания удовлетворить не получится, денег не хватит.

– Что ещё может помешать нам удовлетворить наши желания? Допустим, вы проснулись в три часа ночи, и чувствуете невиданный прилив сил, свобода бушует в ваших венах, вы открываете окно, выставляете на подоконник колонки и ... включаете на полную мощность любимую песню. Ведь вы же – свободные люди, правильно?

– А чё, остальным людям типа не надо спать?

– А какое тебе дело до остальных, ты же свободный человек?

– Ну, да, только они мне в репу настучат, или полицию вызовут, я же их разбужу.

– Так, а позвольте рассказать вам ещё одну историю, поспорились два человека, один другому дал в нос кулаком, их приводят к судье, и драчун говорит – я свободен, махать кулаками, захотел, и ударил, на что судья ему отвечает – ваша свобода размахивать кулаками ограничена кончиком носа вашего соседа. Каков вывод? Что ещё ограничивает нашу свободу?

– Ну, это, у других людей тоже есть права, на отдых, например.

– Правильно, наша свобода ограничена правами и свободами других людей, мы свободны до тех пор, пока не нарушаем права и свободы окружающих, а иначе это уже не свобода, это произвол. Хорошо, как называлась традиционная русская одежда средневековья, что носили наши предки?

– Штанишки.

– А ещё?

– У них кроссы были крутые, плетёные такие.. м. м, блин как они назывались...

– Лапти что – ли?

– Точно!

– Почему вы не носите лапти, кокошники, вы что – не уважаете предков?

– Это не модно.

– А что значит – одеваться модно?

– Ну, круто одеваться, по приколу...

– Одеваться модно – значит одеваться как все, согласны?

Мы слушаем одну и ту же музыку, смотрим одни и те же фильмы, носим одинаковую, то есть модную одежду, мы боимся показаться не такими как все. Страх – вот что ограничивает нашу свободу, боязнь показаться нелепым, смешным, необычным. Так вот...

Мелодично прозвучал звонок, «зайчики» повыскакивали с мест, устремившись к выходу.

– Стоп, я никого не отпускал. Запишите домашнее задание, параграф 17, задания с первого по третье письменно. Ты, ты и ты – давайте дневники, простите, что «тыкаю» – ещё не запомнил ваших фамилий.

Не успели ученики покинуть класс, как с последней парты прозвучало:

– Давайте разберём, что вы здесь наворотили.

– Вы простите, вы, о чём сейчас?

– Разбор урока Роман Викторович, а вы что думали – дали урок и всё? Самое интересное только начинается. Думала, что умру от тоски на вашем уроке.

– По вам не скажешь...

– Я не закончила. Значит так: во – первых, у вас совершенно не работает доска, почему не используете доску?

– Если вы обратили внимание, я использовал метод эвристической беседы, она предполагает активную диалоговую работу учащихся, и потом – я записывал на доске их ассоциации к слову «свобода», так что ваш упрёк несправедлив.

– Я не упрекаю, я разбираю ваши методические просчёты. Дети на вашем уроке абсолютно ничем не заняты, они могли бы поспать, почитать, или сходить в буфет, чем они бы и занялись, в том случае если бы здесь не было меня. Давайте им побольше письменных заданий – составлять план, конспект, тезирование, цитирование, больше письменных заданий на дом – пускай работают!

– При полном моём уважении, вы не понимаете специфи-

ку моего предмета, он – устный, какую пользу извлекут дети из многочасового писания планов? Какие полезные знания, умения и навыки они получают от этой монотонной, нудной, тоскливой работы? Составление плана – обще дидактическое умение, а к предмету обществознание, оно имеет косвенное отношение.

– Мы говорим на разном языке...

– Ну почему же, я понимаю вашу речь...

– Я вижу, что вы не хотите меня слушать, на следующей неделе мы посетим ваш урок вместе с Миленой Власьевной, посмотрим, что вы тогда...

– Зачем вам это нужно?

– Что зачем?

– Вот это ковыряние в чужом ... творчестве?

– Что за идиотский вопрос, это моя должностная обязанность – посещать уроки учителей – предметников, и вносить коррективы...

– А вы умеете разговаривать нормально, не языком должностных инструкции и приказов, а человеческим, понятным людям?

– Ну, знаете, мне кажется, что Милена Власьева ошиблась с вашим назначением...

– А мне так не кажется, простите, что вынужден прервать нашу увлекательную беседу – мне пора кушать, распорядок дня, знаете ли, надо питаться по расписанию, когда будете уходить – откройте, пожалуйста, окошко, чем – то тут попа-

хивает несвежим, вам не кажется?

– Наглец, ну вы у меня ещё пожалеете...

– И мне было приятно с вами пообщаться, всего вам доброго!

Паулина Теодоровна стремительно вышла из класса по – бычьи наклонив голову вперёд, и оставила дверь открытой.

6.

Секретарь подловила меня прямо на входе в школу – Милена Власьевна хочет вас видеть.

– Иду.

Достойная продолжательница дела Рюриковичей ждала меня в компании остзейской дворянки Паулины, лица обеих не предвещали ничего хорошего. Начала директриса.

– Роман Викторович, вы – молодой, перспективный учитель, вы ещё очень молоды и неопытны, и допускаете ошибки, наша задача, как более опытных, старших товарищей, вовремя скорректировать ваши действия, не дать ошибкам превратиться в систему. Паулина Теодоровна посетила ваш урок, обнаружила серьёзные методические огрехи, и вполне справедливо указала вам на них, и что же устроили вы? Вместо того чтобы выразить признательность опытному специалисту, учесть её замечания и приложить усилия для их исправления, вы ответили хамством и грубостью, нагло выгнали Паулину Теодоровну из своего кабинета...

– Ещё и оскорблял, Мила, этот сопляк меня оскорблял!

– Спокойно, Паулина Теодоровна, мы сейчас во всем раз-

берёмся! (директриса начала багроветь, румянец постепенно заливал мощную шею и подбородки). Что вы себе позволяете? (последние слова были произнесены с немелодичным повизгиванием).

— Он хочет как короткопалый, чтобы ему всё на блюдечке приносили, а он бы сидел и ничего не делал, и чтобы его не трогали и никуда не привлекали, я права? Что молчите?

На протяжении всей этой гневной тирады, обе няяды вольготно восседали в мягких креслах, в то время как я стоял, глядя на них сверху вниз, и ощущая неприятное, сосущее чувство внизу живота.

— Я с вашего разрешения присяду?

— Нет.

— Спасибо (я развернул к себе один из стульев, стоящих вокруг стола, и грузно плюхнулся на него, сопроводив свои действия каким-то пошлым, старушечьим выдохом — ффу), так намного лучше.

— ?!

— Намного приятнее вести беседу, когда ты находишься в равных условиях, я не могу заставить вас встать, поэтому будет лучше, если я присяду, что такого, я просто устал стоять, почему я не могу присесть?

— Видишь Мила, что я тебе говорила?

Директрису эта ситуация похоже забавляла, она сделала успокаивающий жест рукой в сторону завуча — Паулина Теодоровна, минуточку, вы хотите что — то сказать в своё оправ-

дание, Роман Викторович?

– Оправдание? Оправдывается тот, кто виноват, я себя виноватым не считаю, и потом, если я правильно понял, целью нашей беседы является желание Паулины Теодоровны самоутвердиться за мой счёт, я наслышан об этой милой особенности её поведения...

– Ах, ты...

– Паулина Теодоровна, дайте мне возможность поговорить с Романом Викторовичем с глазу на глаз, мне кажется, что произошло недоразумение, сейчас мы разберёмся.

Завуч выбежала из кабинета в своей стремительной манере, возмущённо фыркнув напоследок.

– Роман Викторович, я ценю и уважаю людей независимых, но в данном случае, вы перешли границы, и опустились до банального хамства, как руководитель организации, я не могу не реагировать на подобные вещи, вы меня понимаете? –?

– Что я должна сделать в этом случае?

– По – моему, вы уже приняли решение, и всё что я мог бы возразить вам, не сможет, заставит вас отменить его, я прав?

– Я объявляю вам замечание, следующим взысканием будет выговор, советую вам подумать над своим поведением.

– Я считаю это взыскание несправедливым, и намерен обратиться в Федеральную инспекцию труда.

– Ах вот как..., советую вам воздержаться от этого шага, и согласиться с взысканием, для вашего же блага.

– Нет, Милена Власьевна я не могу с ним согласиться...

– Я поняла, дело ваше, не говорите, что я вас не предупредила.

Выйдя из кабинета директрисы, я столкнулся с радостным «короткопалым».

– Ты чего здесь делал, пиздюлятор подставлял?

– Ты откуда знаешь?

– Все уже знают, я тебя забыл предупредить – Протухлина каждый год выбирает себе жертву, кого –нибудь беззащитного, и сжирает его, медленно, неторопливо, методично, смачно похрустывая нежными косточками. В прошлом году, это была молоденькая словесница, Пропадлина выжила её из школы. В позапрошлом году она съела англичанку, в этом году ты – главное блюдо в её меню.

– А все остальные, что никак на это не реагируют?

– Ботва, они интересное любят, замирая от сладкого ужаса, они ждут – кто будет следующим, потом обсудят подробности, повозмущаются, и ... разойдутся довольные.

– И что же мне делать?

– Не знаю, смирись, терпи...

– Как это «смирись»?

– А что, у тебя есть выбор? Если она решила тебя схарчить, то ты обречён.

– Спасибо, умеешь ты подбодрить, сразу почувствовал бешеный прилив энергии.

– Обращайся если что, ну ладно, я побежал.

Он как – то бочком, по – крабьи подошёл к двери в директорский кабинет, игриво постучал, и кокетливо пропел – Ми – ле – ночка Влаа – съевна, к вам можно? Нахально подмигнув мне левым глазом, он мелкой рысцой оббежал открытую дверь, и юркнул внутрь. Уже в коридоре, не дойдя до кабинета, я услышал надсадное дребезжание внутреннего телефона. В трубке возмущалась завуч – где вас носит, минут пять звоню, а трубку никто не берёт, значит так, во – первых: вы не сдали мне рабочие программы, если завтра их у меня не будет, я пишу служебную записку на имя директора, во – вторых: завтра восьмые классы пишут диагностику по истории, я могу быть уверена, что процент качества будет не ниже 78?

– Дорогая Паулина Теодоровна (произношу это мягким, невыносимо добрым тоном, таким обычно разговаривают с непроходимыми, агрессивными дебилами, от которых можно ожидать припадка), я подсунил под вашу дверь рабочие программы ещё две недели назад...

– Я ничего не находила, напечатайте ещё раз, а что насчёт диагностики?

– Ничего гарантировать не могу, сами знаете, дети все разные...

– Нет, не знаю, я знаю, что 8 «а» у нас гимназический, а это значит, что они должны дать не менее 78 % качества.

– Ровно 78, ни процентом меньше?

– Вы меня поняли, эта работа очень важна, от неё зависит

рейтинг школы, нам нужно попасть в Топ – 100, в общем, я жду хорошего результата.

В трубке пошли короткие гудки – в своей обычной, куртуазной манере, завуч прекратила разговор на полуслове.

7.

«Гимназический» 8 «а» состоящий из 25 человек, показал блестящие результаты: 14 человек получили оценку «2», остальные написали на «3». Паулина хваталась за дебелую, левую грудь, судорожно мяла её (в том месте, где у нормальных людей должно находиться сердце), и патетически восклицала – история полностью завалена, полностью! Директриса обрывала мой телефон с требованием проанализировать работу, и предложить способы ликвидации «пробелов знаний», Паулина при встрече со мной недобро и многообещающе улыбалась, звонила мне домой в случае, если я забывал выставить текущие отметки, и визгливо требовала, чтобы я «немедленно пришёл и исправил недочёты», её визиты на мои уроки стали еженедельными, не успевал прозвенеть звонок об окончании урока, как телефон начинал разрываться от звонков, и в класс вбегала очередная посыльная – вас зовут дежурить, почему вы ещё не в коридоре? Мне припомнили всё – начиная с того, что у школы уже десять лет нет ни одного призёра на районном и городском этапе олимпиад по истории и обществознанию (несмотря на то, что я работаю здесь несколько месяцев, я должен был испытывать чувство глубокой вины), высокий травматизм на переменах и уроках

физкультуры, курение учащихся в туалетах, низкие результаты ЕГЭ и многое другое, за что лично я должен нести персональную ответственность, во взглядах коллег читалось сочувствие с примесью брезгливости, так смотрят на попрошайек, выставляющих на всеобщее обозрение багровые культы в подземных переходах, благожелательные учителя уже видели меня съеденным, переваренным и исторгнутым наружу, мене, текел, упарсин понимаэш...

– Алло, где вас черти носят? Звоню уже в десятый раз, значит так, завтра вы сопровождаете детей – участников районного тура олимпиады по истории, в приказе в качестве сопровождающей указана я, но я не поеду, вы несёте ответственность за жизнь и здоровье детей. Послезавтра вы замените Нину Ивановну, у неё в четверг диагностика, ей надо готовить детей, съездите в МЦКО, это недалеко, на Шаболовке, внимательно запишите всё, о чём там будут говорить, и передадите Нине Ивановне, в пятницу вы сидите в жюри конкурса проектов, начало в 16 – 00, а в субботу вы едете в Бородино, сопровождаете десятый класс. Вопросы есть?

– А на воскресенье вы ничего для меня не запланировали? У меня слишком много свободного времени, возникают всякие дурные мысли, что в воскресенье не нашлось какого –нибудь завялящего вебинарчика, или хотя бы семинара?

– Вопросов у вас нет, не забудьте всё записывать, надеюсь на это, у вас ума хватит?

–?!

Короткие гудки в трубке, немецкая галантность в действии.

– Алло, Олег?

– Да.

– Здорово, это Роман.

– О – о, здоровеньки булы, как дела?

– Блестяще, а как у тебя?

– Потихоньку.

– Слушай, мне нужен больничный, недельки на две, сделаешь?

– Это будет дорого стоить.

– Чего надо? Бабу твою осчастливить? Чтоб визжала и хрюкала от удовольствия?

– Дебил, «бабу», мы поженились, вот уже... год и три месяца!

– Прими мои соболезнования.

– Ты всё такой же придурок, ничуть не изменился, обойдётся без больничного.

– Да ладно, я шучу, чего ты обижаешься, чего надо сделать?

– Можешь пацана в школу устроить?

– Что за пацан? И почему он в ноябре месяце не в школе?

– Хороший мальчик, сын моего соседа, золотые руки, а вот не задерживается ни в одной школе...

– Очередной скудоумный примат, раньше такого называли бы дебиллом, а теперь...теперь их называют гиперактивны-

ми...

– Ты не прав, ты же его не знаешь...

– Знаю, я знаю этот тип, сколько школ он уже сменил за эти три месяца?

– Две.

– Ну вот, видишь, даже если я попрошу директрису принять этого чудо – ребёнка, этого непризнанного гения в мою школу, и если, подчёркиваю – если, она согласится, то уже через пару месяцев он всех утомит своей альтернативной одарённостью, и ему придётся искать новую школу, проси чего –нибудь попроще Олеженька.

– Нет, ты всё – таки не хочешь получить больничный...

– Ты прямо какая – то сука неприятная, ладно я спрошу у администрации, только через две недели, ладно?

– Договорились, приходи вечером, я сегодня во вторую смену.

– Увидимся.

Надо обрадовать администрацию, хорошие новости надо сообщать немедленно.

– Аллю.

– Добрый вечер, Паулина Теодоровна.

– Ах, это вы...

– Я тоже рад говорить с вами.

– Что вам надо?

– Хочу поставить вас в известность, я с сегодняшнего дня на больничном...

– Чтоо... как это?

– Вот так.

– А что с вами случилось, я же сегодня с вами по телефону... вы же были здоровы...

– Мы все когда – то были здоровы...

– У вас нормальный голос, что у вас случилось?

– Страшные боли в коликах, сипы в хрипах, да какая разница?

– Что – что? Что это за заболевание, я про такое не слышала.

– Очень опасное, шансов на полное выздоровление очень мало...

– А кто же повезёт детей на олимпиаду, экскурсии...

– Откуда я знаю, я звоню, чтобы поставить вас в известность, у меня всё, до свидания

– До свидания.

Первые две недели, проведённые на больничном были посвящены тяжёлой борьбе с экзотическим заболеванием – долгий, здоровый сон, дневная нега, ночные клубы, весёлые девчонки, полнейшая беззаботность и импровизация, уезжая из дома утром, я не знал, где придётся заночевать. Четырнадцать дней пролетели, Олег продлил больничный ещё на неделю, сообщив эту радостную новость завучу, я услышал её возмущённое фырканье, не дожидаясь продолжения, я положил трубку.

Понедельник.

Мой мозг разрывается от длинного, пронзительного звука
– это дрель? Или бормашина? Это телефон!

– Да?

– Когда вы выйдете на работу?

– Что? Сколько сейчас времени?

– Восемь часов. Когда вы выйдете на работу?

– Кто это?

– Не надо притворяться, вы меня узнали, повторяю ещё раз – когда, вы, выйдете на работу?

– Ах, это вы Паулина Теодоровна, и вам здравствуйте!

– Я так и не услышала ответа на вопрос – когда...

– Можете не повторять, я понял ваш вопрос, как только врачи выпишут.

– Шутка затянулась, учащиеся сказали мне, что видели ваши фотографии из ночного клуба, в... диаграмме? Или гистограмме? Короче в одной из этих модных интернет – помоек, куда принято сливать своё дерьмо...

– В инстаграмме?

– Наверное, не знаю точно, я ненавижу всё, что связано с компьютерами, мы с мужем уже тридцать лет...

– Очень увлекательно, повторяю, как только врачи выпишут меня, так я и выйду.

– Шутка затянулась, если вы не хотите неприятностей, советую вам выйти на работу.

– Больным? Вам меня не жалко?

– Не паясничайте, закрывайте больничный и выходите.

– Всенепременно. У вас всё?

– Да.

– До свидания.

Вторник.

Проникающий прямо в мякотную ткань нерва, безжалостный, дробящий сознание звук звонка, вырывает меня из сердцевины сна.

– Алё?

– Почему вы ещё не на работе?

– Ч – ч – то?

– Почему вы не на работе?

– Я всё вам объяснил вчера.

– По – моему вы не понимаете серьёзность ситуации, вы что, хотите лишиться работы?

– На каком основании я должен лишиться работы?

– Вы – прогульщик, вы не ходите на работу, будучи абсолютно здоровыми, учитель биологии видела вас вчера, вы сиделись в такси, она сказала, что вы не похожи на больного.

– Неважно, похож или нет, пока врачи не разрешат приступить к работе, я в школе не появлюсь.

– Ах вот что, значит, вы не хотите исполнять свои функциональные обязанности?

– Хочу, здоровье не позволяет.

– Я всё поняла.

Среда.

Телефон злобно вибрирует (звонок отключен) и ползёт к

краю прикроватной тумбочки, смотрю на часы – 7 часов 45 минут.

– Да?

– Вы ещё не на работе?

– Я нахожу очаровательной вашу манеру звонить мне по утрам, но прошу вас больше этого не делать, это начинает меня утомлять.

– Я прекращу звонить тогда, когда вы выйдете на работу.

– Я выйду тогда, когда меня выпишут, не раньше.

– Тогда до завтра.

Четверг.

Открываю глаза, на часах 6 часов 45 минут. Телефон молчит. На уши давит, ощущаю пульсацию крови в сосудах, закрываю глаза, дрема мягко охватывает меня... Звонок телефона грубо разрушает полусонную негу.

– Я уже соскучился, вы так долго не звонили.

– Милена Власьевна объявляет вам выговор, вы абсолютно здоровы, и тем не менее...

– Что за бред? Вы что хотите, чтобы я обратился в Федеральную инспекцию труда? Какой выговор? Работнику, находящемуся на больничном? Сделайте одолжение, объявите мне выговор, я этого хочу, а потом я с трудовой книжкой отправлюсь куда надо, и ваша скучная жизнь расцветёт всеми оттенками радуги.

– Вы мне угрожаете?

– Нет, что вы, кто я такой, чтобы угрожать вам? Я вас пре-

дупреждаю.

– Так вы отказываетесь выходить на работу?

– Не вижу причин выходить на работу больным, вы хотите, чтобы я всех заразил? Где ваше сочувствие и забота?

– Вы подводите коллег, они работают за вас, заменяя ваши уроки...

– Так же, как и я заменял их, они это делают не бесплатно, принудительный труд у нас запрещён.

– А дети? Они же отстанут от программы, подумайте о них!

– Ничего, наверстаю.

– Это чудовищно, я поставлю перед Миленой Власьевной вопрос о вашем увольнении, я с самого начала была против этой затеи с вашим трудоустройством.

Вечером я долго крутился в постели, сон не шёл, в голове назойливо повторялся рефрен модной песенки – because I'm happy... за окном уже начало светать, когда я, наконец, заснул, сон был каким – то рваным, напряжённым, сигнал звонка заставил меня подпрыгнуть на кровати

– Блядь, я же сказал...

– Доброе утро, Роман Викторович, это Милена Власьева.

– Здравствуйте.

– Я понимаю ваше недовольство, мы слишком многого от вас ожидали, и как многие работники, конфликтующие с администрацией, вы выбрали такую форму пассивного протеста как, уход на больничный. Поверьте, вы не первый, кто

так поступает, не надо было этого делать, надо было прийти ко мне, и мы бы легко разрешили возникшие противоречия. Я прошу вас прекратить этот детский сад, и выйти на работу.

– Ааа, я понимаю, это же «добрый и злой полицейский», Паулина Теодоровна обрывает мне телефон, угрожает, мешает спать, а потом звоните вы, и одним царственным изгибом брови решаете все проблемы, добрый друг с хризантемой в зубах.

– Не совсем так, вернее – совсем не так, просто Паулина Теодоровна очень близко к сердцу принимает все проблемы нашей школы, она живёт ими, натолкнувшись на вашу чёрствость, она возмутилась и... произошло то, что произошло. Чтобы не доводить ситуацию до точки кипения, я вынуждена вмешаться. Вы согласны с тем, что программа должна быть пройдена, а дети должны получить весь объём знаний определённый федеральным государственным стандартом?

– Я уже сказал...

– Да или нет?

– Да, но...

– Вот и замечательно, увидимся в понедельник, всего доброго.

– До свидания.

Судя по всему, администрация затаила в мой адрес некоторую грубость, но уничтожать меня будут не сразу, а постепенно, растягивая удовольствие, надо как – то отсрочить экзекуцию.

– Алло, Ромчик, привет тёзка!

– О. Здорово.

– Слушай, чего я тебя постоянно в школе встречаю?

– Я сыновей забираю после уроков.

– Кого, мы же с тобой однокурсники, когда ты успел?

– Долго ли умеючи.

– Умеючи долго.

– Я живу с бабой, у которой двое сыновей от первого бра-
ка.

– Какого возраста сыновья?

– Один во втором, другой в шестом.

– В шестом? Как фамилия?

– Козьепупов.

– Да хорош ты, я серьёзно.

– Ты чего мою фамилию забыл?

– Я её и не знал никогда, тебя всегда Пиписоном звали,
не знаю за что...

– Ты урод, я...

– Забулькал, хватит брызгать слюнями, до меня через
трубку долетает, значит, этот рыжий дебил из б «а» – твой
сынуля? Давно не видел такого тупорылого идиота, мальчон-
ка весь в папу, в приёмного...

– Да нет, это не мой, у моего фамилия биологического
отца

– Это какая же?

– Ты не поверишь, фамилия у него – Рыбоконь.

– Рыбо – кто? Ты серьёзно? Не шутишь? Слушай у меня к тебе просьба, поговори с женой, пусть она...

8.

Понедельник. Школа. Коридор. У своего кабинета я встретил «цаплю», уныло повесив длинный, багровый нос, потряхивая обесцвеченными паклями, кокетливо обрамляющими лицо, она шла каким – то странным шагом – выставленная вперёд левая нога, затем к ней подтягивается (с характерным шарканьем) правая, интересный звук – топ, хшшш, левая – топ, правая – хшшш, топ, хшшш. Похоже на британских каторжан 19 века, тех, которым к ноге приковывали ядро, вырабатывая неповторимую походку.

– Доброе утро, Лия Анатольевна, как тут идут дела, я пропустил что – то интересное?

– Мы вас вспоминали, Роман Викторович, как ваше здоровье?

– Уже лучше, спасибо. Как идёт загнивание нашей родной школы?

– Вот, вы – молодец, загнивание – лучше и не скажешь, я тут двадцать лет работаю, с каждым годом всё хуже и хуже, пора на пенсию уходить.

– А как же борьба? Вы сдадитесь без боя? Не верю?

– А что я могу сделать?

– Вы же работали бухгалтером?

– Пятнадцать лет, у меня всё было как в аптеке...

– Нам зарплату правильно начисляют?

– Там всё зависит от человеко-часа, они сначала объявили один коэффициент, а затем поменяли его...

– А допсоглашения, датированные сентябрём, а подписываем мы их в декабре, это законно?

– Нет, это нарушение, это незаконно...

– А на меня оформили классное руководство, завуч день-ги требует каждый месяц, точную сумму мне так и не назвали – это как, где гарантия, что она меня не обманывает?

– Гарантий нет.

– Может в КРУ обратиться?

– Бесполезно, они откупятся, прецеденты уже были.

– Так что же нам – покорно терпеть?

– А что ещё нам остаётся? Столько лет терпели, потерпим ещё чуть – чуть, до пенсии рукой подать.

– Нам нужен лидер, человек, который может повести за собой остальных, бесстрашный, волевой, обладающий ораторским талантом, такой, который не побоится высказать этим сволочам в лицо, всё, что мы о них думаем.

– Где взять такого?

– Скромность – отличное качество, но не в подобной ситуации.

– О чём вы говорите?

– О вас, Лия Анатольевна, о вас голубушка!

– Я не совсем понимаю...

– Бывают руководители – люди, назначенные на должность, но не обладающие авторитетом, а бывают люди, не за-

нимающие постов, но пользующиеся непререкаемым авторитетом среди коллег, таких называют неформальными лидерами. Я работаю здесь недавно, но уже заметил, с каким вниманием прислушиваются к вашим словам коллеги, как умно и грамотно вы излагаете свои мысли, как аргументированно вы отстаиваете свою точку зрения. Директора практически никто не слушает, все читают, вяжут, спят на совещаниях – разве так относятся к лидеру? Совершенно по – другому все воспринимают ваши слова, у вас есть эта искра, которая зажигает сердца людей. Лия Анатольевна, не дайте пропасть нашим коллегам, людям робким и беззащитным, выступите на ближайшем совещании по поводу зарплат, нам с вами нечего терять, особенно вам – полгода до пенсии, что они вам сделают?

– Я никогда даже не думала о таком.... Какой из меня лидер...

– Замечательный, вы просто не видите себя со стороны. Кому как не вам, с вашей компетентностью в бухгалтерском деле, поставить заслон на пути крохоборов, которые нас грабят?

– Это да, я разбираюсь в бухгалтерии, пятнадцать лет работала, ни одна проверка не выявила у меня нарушений, а ведь это был ОБХСС, не чета нынешним, я им всем могу фору дать...

– Ну, вот и славно, значит, договорились, вы выступите, а мы поддержим, не смогут они нам всем рты позатыкать!

– Я даже не знаю...

– Фортуна благоволит храбрым! Надо показать этим наглецам, что мы – не какие –нибудь бараны, которые позволяют себя безнаказанно стричь! Наши коллеги изнывают под железной пятой деспотического Рюрика, вы поведёте нас «оковы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа!».

– Как красиво...

– Да, это из моих последних стихов, ну – вы согласны?

– Мне надо подумать, я...

– «Так гибнут замыслы, с размахом, нам предвещавшие успех», решайтесь Лия Анатольевна, несчастные учителя вопиют о справедливости (последние слова, я произношу горячим шёпотом на ухо бабке, вежливо и твёрдо взяв её за синюшную, куриную лапу, многозначительно пожимая её, и глядя прямо в густо подведённые, выцветшие глаза). Медленно, словно нехотя, морщинистые щёки покрывает слабый, застенчивый румянец.

– Вы – очень настойчивый молодой человек, перед вашим напором невозможно устоять, со мной такого не было лет тридцать, аж в жар бросило... Я согласна, ради несчастных коллег я готова рискнуть, но вы должны поддержать моё выступление, иначе оно не будет иметь эффекта...

– Конечно, поддержим, вы не останетесь одна, дорогая Лия Анатольевна!

Оставив нежно розовеющую девчонку у двери её кабинета, стремительно захожу в свой. Трель внутреннего телефона

будоражит слух – Алло?

– Это секретарь, зайдите, пожалуйста, к Милене Власьевне.

– По поводу?

– Она просила вас зайти, она вам всё скажет сама.

– Хорошо.

Быстро преодолеваю расстояние, отделяющее меня от кабинета директора.

– Здравствуйте Роман Викторович, рада, что вы вновь с нами.

– А уж как я рад, вы себе представить не можете!

– Среди ваших учеников есть мальчик по фамилии Рыбонь?

– Я ещё не всех запомнил, возможно, есть.

– Он учится в 6 «а».

– Не помню, а что с ним? Какие – то проблемы?

– Нет, наоборот, на сайт департамента образования пришла благодарность от имени его мамы Ирины Сергеевны, она пишет, что ваши уроки «пробудили у моего сына интерес к истории», благодарит администрацию школы за то, что в школу «пришло новое поколение учителей, молодых, талантливых, чья работа способствует патриотическому воспитанию» и прочее. Мне, как руководителю образовательного учреждения такие вещи читать приятно, ещё более приятно мне то, что я не ошиблась, остановившись на вашей кандидатуре.

– Это всё? Я могу идти?

– Да.

Ты еще не знаешь главного, милочка, в ближайшие дни весь сайт будет забит такими благодарностями, у Рыбоконской мамы много подружек, скупающие домохозяйки любят посидеть за компьютером, а уж флэшмобы они просто обожают (защитим симпатичного мальчика от посягательств злобных старух). Через два дня я был представлен к грамоте Департамента Образования СВАО за «вклад в воспитание подрастающего поколения и успехи в развитии познавательной активности учащихся». За несколько дней до совещания в школе ощущалось смутное брожение, осмелевшая «цапля» громко вещала о том, что «необходимо разрушить империю зла» и она готова взять на себя эту важную миссию, остальные вежливо поддакивали и подбадривали отчаянную – давай Лия, задай этим сволочам (а мы посмотрим на результат, и решим, кого поддержать, а может быть порукооплещем твоей отрубленной голове). Навсикая Алкиноевна (учитель географии) подловила меня между этажами.

– А у меня беда, Роман Викторович, диагностика с наблюдателем, я посмотрела спецификацию – материал из курса седьмого класса, они же не напишут, я директору так и сказала – ждите двоек, другого результата не будет, а зарплата? Мне опять неправильно насчитали, пятнадцать недоплатили, пятнадцать! Я так не могу больше, мне бы до выслуги доработать и всё – пойду свиной торговать, видала я вашу

школу! И никому, ничего не надо! У меня Сосипатрова без регистрации третий месяц, говорю завучу – сделайте что –нибудь, не дай боже что –нибудь случится, мы же в тюрьму сядем! А она мне – вам что, больше всех надо? А у Коломейца украли брекеты, он снял их перед тем, как идти в столовую, положил в коробочку, вернулся – коробочка пуста, кому они понадобились – непонятно, мать обратилась в полицию, меня теперь следователь вызывает, она сюда даже не приходила и ничего не расследовала, а считает виноватыми одноклассников, и требует денежной компенсации, знаете, сколько стоят эти брекеты? 65 тысяч! Они что – золотые? А вы знаете, что случилось вчера? На моём уроке отсутствуют Герасименко и Кексиков, а я видела их в школе, иду искать, нахожу их в подсобке, они там (вы не поверите) – трр– рра – хались! По – настоящему, по – взрослому! В пен.. пенсионерской позе..

– Какой – какой?

– Что – то связанное с пенисомерами, комиссионерами...

– Миссионерская поза?

– Наверное, да... так вот, я захожу, а они и ухом не ведут – трр – рра – хаются и трр– рра – хаются, я говорю – что здесь происходит? Остановитесь немедленно, перед вами учитель! А Герасименко мне заявляет – он не может остановиться, он скоро должен кончить, прерывать процесс нельзя – я в журнале читала. Что делать?

–?!

– Я встала рядом (я же несу ответственность за жизнь и здоровье детей, а вдруг что – то пойдёт не так?) и наблюдаю за процессом.

– Что – что?

– А как вы думали? Я должна контролировать всё, что происходит с моими детьми! Так вот, я стою, а он всё не кончает и не кончает, я время засекала – 9 минут 38 секунд, перемена заканчивается, а он всё елозит, тут я, как рявкну – Кексиков, у тебя совесть есть? Мне надо вас к директору отвести, и успеть позавтракать, заканчивай эту бодягу!

– И как? Помогло?

– Да, тут – то из него и потекло, натянули штаны, и я их к Милене отвела, чего теперь будет – не знаю...

– Да ничего, Кексикова грамотой наградят – за стойкость, Герасименко станет секс – символом школы...

– Дурацкие у вас шуточки, это же ЧП! Я много лет работаю в школе, но такого ещё не видела! Разврат в стенах школы! До чего мы так докатимся? Какое свинство! Кстати о свинстве – вам свининка не нужна? Муж привезёт половину туши на следующей неделе, если купите вторую половину, я готова сделать скидку.

– Нет, спасибо, не надо.

– А прокладочки вашей жене, возьмёте? Продукция нашего ВПК, самые последние технологии...

– ВПК? Бронированные что – ли? С дюралевыми крыльшками?

– Да нет, я объясню...

– Спасибо, я не женат.

– А-а, так вы у нас холостой...

– Нет, я ещё боевой, просто не женат. Мы отошли от темы, надо что – то делать с административным произволом, творящимся в стенах школы.

– Да что мы можем сделать, у них всё схвачено.

– А если жалобу написать в департамент?

– Ага, и, не доработав до выслуги, остаться без работы?

Спасибо...

– Зачем же так, мы всё сделаем по – умному, сохраним инкогнито...

– Анонимку никто читать не будет...

– А мы её подпишем, только фиктивной фамилией, проигнорировать подписанную жалобу департамент не сможет, пока они там разберутся, что такого учителя в нашей школе нет, мы сможем...

– Мысль необычная, над этим стоит подумать, а что будем писать?

– Вы здесь работаете дольше, чем я, лучше знаете маленькие грязные тайны администрации...

– Это да, вы вот слышали о том, что Паулина ушла из семьи?

– Куда ушла? А как же brave муж, честно отработавший 150 лет на атомных объектах? Она нашла кого – то помоложе?

– Ага, кого – то помоложе, и другого пола, она теперь живёт с нашей бывшей выпускницей, вы правда об этом не знали?

– Я как – то пропустил эту новость, это – правда?

– Да вся школа знает, вчера иду домой, они сидят в автомобиле и целуются – гадость какая, тьфу!

– Может вы что – то перепутали, мало ли кого она целует, бывают моменты острой тоски и...

– Да нет, эта выпускница – Первухина её фамилия, она сначала жила с нашей англичанкой, а теперь перешла к Паулине...

– Какой ерундой я занимаюсь – уроки, олимпиады, тут такое творится, а я и не знал, вот интересная у людей жизнь, и что дальше?

– Паулина из семьи ушла, сына бросила, девятиклассник, хороший мальчишка, ему теперь проходу не дают – а, это тот самый, сын б/ушной лесбиянки!

– А директор в курсе?

– Конечно, Первухина к ней в кабинет, как к себе домой ходит, вчера захожу, а она на директорском столе сидит, ногами болтает.

– Так что получается – у нас тут лесбийская мафия, это я – отсталый натурал, поэтому они меня и преследуют, надо завести себе сожителя, раз это модно, педика не смогут уволить – дискриминация прав меньшинства, как думаете?

– Вам бы всё шутить, а мне интересно в департаменте зна-

ют об этом?

– Теперь узнают, я к вам после шестого урока забегу, набросаем текст, надо расшатывать устои, им тут слишком вольготно живётся, вам так не кажется?

– Ну, да, наверное...

– Зайду после двух.

9.

Пришедшие на педсовет учителя обнаружили на партах бумажки, щедро расчерченные бухгалтерскими таблицами, и расчётами человеко – часа, за первой партой гордо восседали три представителя бухгалтерии – щедро одарённые телесами тётки, с сытым, спокойным выражением заплывших глаз. Директриса сразу приступила к делу.

– На своих столах вы видите расчёт человеко - часа, это сделано для того, чтобы снять все вопросы по поводу ваших зарплат, представители бухгалтерии прояснят всё, что будет непонятно, хочу, чтобы вы поняли – у нас абсолютно прозрачная бухгалтерия, всё законно, не надо искать подвоха...

– Можно я скажу, Милена Власьевна? – «цапля» подняла руку вверх, словно прилежная ученица.

– Конечно, Лия Анатольевна.

– Когда вы уговаривали нас перейти на подушевое финансирование, вы обещали нам, что наши зарплаты вырастут, я правильно поняла то, что вы нам говорили?

– Да.

– Вот мой квиток за ноябрь – отсутствует строка «вред-

ные условия работы», значит – нам больше не платят за вредность, далее – я являюсь руководителем методического объединения, в прошлом году я получала за это три тысячи рублей, теперь две, нет оплаты за заполнение электронного журнала, про премии я уже не говорю, в 776 школе ко дню учителя дали премии от 50 до 100 тысяч, нам не заплатили ни копейки, и в среднем по школе зарплата не выросла, а сократилась, я не имею в виду администрацию.

Говорила она плохо, голос дрожал, лицо покрылось пунцовыми пятнами, листок в правой руке трясся как припадочный, в тот момент, когда она произносила сумму премии в 776 школе, по рядам пронёсся возмущённый вздох, физрук на последней парте выразил общие впечатления – сука бля, ни х... себе!

– Я услышала вас, Лия Анатольевна, послушайте теперь, что скажу вам я. Ваши зарплаты – результат вашей работы, какое количество победителей олимпиады дало ваше метод объединение? Каковы результаты последней независимой диагностики? Какие результаты показали дети на последнем ЕГЭ?

– Я..

– Теперь я говорю, я достаточно вас наслушалась, работаете вы плохо, а получать хотите хорошо, наша школа занимает восьмое место в округе, почётный результат, особенно если учитывать, что общее количество школ – десять. Результаты отвратительные, высокий травматизм, особенно на

уроках физкультуры...

– Да бля... ёб, чё я... у меня чё... самый козёл я што ли... я и так как ссанный педик тут целыми днями в спортзале торчу...

– Ролло Анатольевич тише, вы на педсовете, а не в пивной, так вот ещё раз говорю – будете лучше работать, будут выше зарплаты, вы все учителя высшей и первой категории, что, это так трудно – подготовить победителей олимпиад? Возьмите одного – двух талантливых ребят и готовьте, а кому не нравится – пишите заявление, я никого не держу. Есть желающие уйти по собственному желанию?

Стало так тихо, что было слышно, как у стойки охранника бубнит радио.

– С зарплатами разобрались, теперь ещё одно неприятное событие, вот уж не думала, что придётся о таком говорить. Коллеги, на сайт департамента образования пришло письмо, в котором в грубой форме даётся оценка работы администрации школы, но это бы ещё ничего, далее там идёт поток грязи о наших учителях, начиная от внешнего облика и заканчивая, извините – сексуальными предпочтениями.

– Анонимка?

– В том – то и дело, что оно подписано, но учитель с такими данными в нашей школе не работает.

Паулина азартно подскочила – у нас завелась крыса! В глазах завуча полыхал энтузиазм бывалого охотника – пишем грязные пасквили? Мы выведем вас на чистую воду! Мы

вас...

– Сядьте, Паулина Теодоровна, коллеги, если у вас возникают проблемы в общении, вопросы – приходите ко мне, не обещаю, что смогу всё решить, но выговориться вам я разрешу. Не надо шептаться за спиной, обсуждать зарплаты друг друга, пересказывать грязные сплетни – это непорядочно, и знайте – мне известно обо всём, что происходит в нашей школе, я знаю, кто и что говорит обо мне и администрации в целом.

– Зачитайте письмо.

– Точно, мы должны знать, о чём оно!

– Нет, читать эту грязь вслух я не буду, а отправителя мы найдём, оно отправлено с одного из школьных компьютеров, мы же можем определить, кто это сделал, да Ефим Силантьевич?

Смурной компьютерный гений молча мотнул засаленной башкой, вызвав этим целый вихрь из перхоти, разлетевшейся по сторонам, словно снег во время выюги.

– На этом всё, у кого есть вопросы? Вопросов нет, значит, возвращаемся к работе.

«Цапля» жалко лепетала в коридоре – я сделала, что могла... я хотя бы вопрос поставила...

– Всё замечательно, Лия Анатольевна, разве вы не поняли, что всё это – бухгалтера, бумажки с цифирками, нервная, с угрозами, речь директрисы – это от страха, вы их напугали, заставили оправдываться и угрожать, вы – молодец!

– Правда?

– Конечно, они напуганы и оправдываются, а оправдывается тот, кто виноват. Если раньше, мы могли только подозревать, что у них рыло в пуху, то теперь мы можем быть в этом уверены. Мы всего лишь попытались размять тему, бросили в их сторону пробный шар, и сразу такая болезненная реакция, крики боли со стороны администрации – мы движемся в правильном направлении, им есть чего бояться.

– Вы, правда, так думаете?

– Я в этом убеждён, вы – молодец, всё только начинается...

Навсикая Алкиноевна прервала наш разговор, схватила меня за локоть, и поволокла по коридору.

– Она всё знает, что мы будем делать... может быть лучше сразу признаться...

– Вы это о чём, простите?

– Она сказала «мы знаем, что письмо отправлено со школьного компьютера», она нас найдёт, вы не знаете Фиму, он выглядит как debil, на самом деле он очень умён, он найдёт нас...

– Ну – ну, ещё рано рвать от горя волосы в подмышках, и просить пощады...

– Но... письмо?

– Что письмо?

– Ну, вы же слышали, что она сказала?

– Слышал, да, оно отправлено с одного из школьных ком-

пьютеров, и что?

– Но ведь найдут...

– Кого найдут? Уважаемая Навсикая Алкиноевна, вы давно работаете в этой школе?

– Двадцать лет, а что?

– Чем занимаются представители нашей администрации на переменах?

– Кто чем, кто – то ест, кто – то курит...

– Правильно, Паулина Теодоровна любит освежить дыхание ароматом бензола и никотина, чтобы впоследствии обдавать ученичков тонким выхлопом из прокуренных лёгких, поэтому я непринуждённо зашёл в её кабинет на перемене, и отправил текст (рождённого нами в муках) письма, на сайт департамента образования с её компьютера, если кого и найдут (в чём я очень сомневаюсь), так это её – кляузницу и скандалистку.

– А– а, ну тогда ладно, а вы уверены...

– Я не просто уверен, я убеждён, дорогая Навсикая (я заговорил стихами – дорогая Навсикая), что мы с вами вывернем этих крыс мехом внутрь, и спляшем на их пульсирующих кишочках. Мы ткнули пальцем наугад, и услышали крик боли, что будет, если мы начнём бить прицельно?

– Вы знаете, куда надо бить?

– Есть у меня пара мыслишек на этот счёт, доверьтесь мне, и очень скоро вы не узнаете эту школу.

Урок обществознания в 7 «а» начался с маленькой неприятности, сразу после второго звонка в класс вползли два неразлучных друга, сидевших за одной партой – Мишиков и Гришиков. Первый щеголял свежим, похожим на спелый баклажан, тёмно – фиолетовым фингалом, второй держался правой рукой за челюсть, и мужественно, сдержанно постанывал.

– Что случилось?

Оба героя моментально залились слезами, раздалось чмоканье, хлюпанье сопливыми носами и неразборчивые выкрики.

– Меня... я... он за часы схватил... а это папин подарок... нечего меня хватать...

– Аыы... челюсть больно... у меня там трещина, наверное... мама – а...

– Если я правильно понял – вы подрались?

– Да, а этот гад мне прямо в глаз зарядил...

– А ты мне в челюсть, и ремешок от часов порвал...

Вдруг, как в сказке скрипнула дверь, отброшенная богатырским пинком Паулины Теодоровны

– Сидеть! (это сказано всему классу, пытавшемуся встать, чтобы поприветствовать классного руководителя) А ну, покажись! – (это Мишикову), теперь ты (Гришикову) – красавцы! Молодцы! Эля – ты куда смотрела? Почему мне сразу не сообщила?

Худенькая, малокровная девочка с первой парты попыта-

лась что – то объяснить, но завуч уже переключилась на плачущих бойцов – ну, и что же мы скажем родителям?

– Правду.

– А вот этого делать не надо, ни в коем случае, могут возникнуть ненужные вопросы, зачем нам с вами это? Нам не нужно расстраивать ваших родителей, поэтому ты (Мишиков) – ты у нас... ээ, у вас сегодня есть физкультура?

– Да.

– Отлично, ты у нас упал с козла, это ты (Гришиков) у нас козёл, с которого он упал – внезапно, Паулина расхохоталась нежным, мелодичным смехом (примерно такие звуки издаёт буксующий бульдозер) – га – хха – ха, гыы– хы, вот смехота – то, ну то есть это было бы смешно, если бы не было так грустно, конечно же. Ну а ты (Мишиков), что же у нас с тобой приключилось? Чем вы там ещё на физре занимаетесь?

– В перестрелку играем.

– Это как?

– Кидаемся мячом, для того чтобы...

– Аа – атлична, мячом, тебе попали в челюсть мячом!

– А что я скажу насчёт ремешка? Это папин подарок! Он мне ремешок от часов порвал.

– Ремешок? Из какого материала? Кожа?

– Я не знаю.

– Покажи, да нет, это не кожа, заменитель, барахло твой ремешок, дешёвка, ну, придумай что –нибудь, почему я за вас всегда должна думать? Давай сам. Так, а вы все – все,

должны запомнить, никакой драки не было, Мишиков упал с козла, Гришиков получил по морд... по лицу мячом, понятно? Всем понятно? Бабасов ты меня слушал? Что сегодня случилось?

– Мишиков дал Гришикову в глаз, а тот ему за это заехал в челюсть, а вообще они оба лохи...

– Ты чего несёшь, идиотина? Никто никому никуда не дал! Я с вами с ума сойду. Эля объясни!

– Никакой драки не было, Мишиков упал с козла, а Гришиков...

– На козла! – Бабасов продемонстрировал глубокое знание темы, и радостно засмеялся.

– Бабасов! Ты – скудоумный примат, ты знаешь это?

– Эт почему – это?

– Потому что ты меня не слушаешь, не дай бог, я узнаю, что кто – то из вас проболтался, я у вас полжизни отниму, вы меня поняли? Хорошо поняли? Бабасов, ты понял?

– Понял.

– А что ты понял?

– Что я – хитро скудный пират, и вы у меня за это полжизни отнимете...

– Тьфу ты, Эля объясни ему на перемене, что ему надо говорить, так теперь с вами (она развернулась ко мне), в этом классе есть мальчик по фамилии Гнидоров, он у нас отличник, медалист, у него только по вашим предметам выходят тройки, Милена Власьевна просила вас обратить на него

внимание...

– Медалист? В седьмом классе? Вы шутите?

– Нет, не шучу.

– «Обратите внимание»? Обращу, но потом, а пока у него выходят тройки...

– Вы не понимаете, мальчик оказывает материальную помощь школе...

– Мне он никакой материальной помощи не оказывает, поэтому...

– Вы портите мне картину успеваемости...

– Я никому ничего не портил, ваш мальчик откровенно слаб, ленив, и неспособен...

– Ну, если его заваливать...

– Его не надо заваливать, он сам на ногах не стоит

– Я обещала его маме, что у него будут пятёрки...

– Вы обещали, вы и поставьте, я этого делать не буду.

– Будете.

– Нет.

– Посмотрим.

Она стремительно вышла из кабинета, слегка наклонив голову вперёд. Во время пятого урока в дверь кабинета негромко постучались – войдите! В открытую дверь заглядывала хорошо одетая женщина – Роман Викторович?

– Да, это я.

– Можно вас на минуточку?

– Да.

– Я – мама Лёши Гнидорова, хотела сказать вам спасибо за то, что вы вошли в наше положение, и поставили Лёшеньке заслуженные «пятерки».

– Я не ставил ему «пятёрки», вас ввели в заблуждение.

– Как, а Паулина Теодоровна сказала...

– Вот ей и задавайте вопросы, а у меня урок...

– Это какое – то недоразумение, Лёша очень хорошо рисует, и у меня уже есть договорённость с МГУ о поступлении, но для этого, ему надо окончить школу на «отлично».

– Простите, мы с вами об одном человеке говорим, о том, который в седьмом классе? Какое МГУ? Ему ещё пять лет учиться?

– Ну и что, всё надо делать заранее, Паулина Теодоровна сказала, что вы требуете материального поощрения, это моя ошибка, что я не подумала об этом ранее, вот, это вам!

Она протягивала мне здоровенный, хрустящий пакет, внутри которого что – то мелодично, хрустально позвякивало.

– Вы с ума сошли? Я ничего подобного не требовал, все, что мне нужно, я куплю себе сам. До свидания.

Я вернулся в класс, и продолжил урок. За пять минут до звонка дверь открылась, маленький паренёк из начальной школы, багровый от натуги, с усилием доволок пакет до середины класса, и грохнул его на пол с такой силой, что бутылки стоящие внутри громко загрохотали – просили вам передать.

– Кто?

– Какая – то тётя.

– Где она?

– Не знаю, кажется, ушла.

Схватив пакет, я отнёс его к кабинету Паулины, открыл дверь, закинул пакет внутрь, и ушёл не оборачиваясь. Сев на стул, я засёк время – через семь минут дверь открылась, здоровенный старшеклассник, сладко ухмыляясь, втащил пакет в класс, Паулина зашла за ним – этот пакет – ваш, и не надо подбрасывать его мне, что хотите, то и делайте с ним!

– Зачем, вы дезинформируете родителей, рассказывая им, будто я требую «материального поощрения»?

– А вы не требуете?

– Напомните мне, когда я такое говорил?

– Говорил, не говорил, что вы такой мелочный? Возьмите пакет, и поставьте мальчику оценки.

– Ничего я ему ставить не буду, и пакет не возьму.

– Ну – ну.

Я отнёс пакет до ближайшего мужского туалета, и грохнул его в урну. В коридоре меня поджидал ухмыляющийся «короткопалый».

– Воюешь?

– Угу.

– Смелый, но глупый поступок, чего там, в пакетике, пожрать было что –нибудь?

– Иди поройся в мусорке, может, найдёшь чего –нибудь

почавкать.

– Фу, какой ты грубый, бээ.

– Ты чего на совещании не был?

– В архив ездил, статью пишу, а чего, что – то интересное пропустил?

– Нет, всё как обычно, рёв в стиле «вы все говна собачьи, за что мы вам такие деньги платим?»

– Значит, ничего не пропустил, всё как обычно – думайте позитивно!

Из туалета, заметно покачиваясь, вышли два старшеклассника.

– Вы откуда такие красивые?

– Иик, там какие – то дебилы (делая ударение на первый слог – дее – билы) целый пакет с бухлом в помойку выкинули, ну мы и... там ещё осталось, если хотите, я сбегая...

В этот момент силы оставили героя, и он грузно осел на пол, второй беспомощно пытался удержать друга – Захар, вставай! Соберись, тряпка! Он ожесточённо тёр товарищу уши, пытаясь вернуть его в сознание – дятел тупой, надо так нажраться!

«Короткопалый» глумливо хмыкнул – вот видишь, что ты наделал? Из – за тебя старшеклассники напились прямо в образовательном учреждении, ай – я – яй! Хорошо ещё, что уроки уже закончились, и школа почти пустая – Никита, вытаскивай Захара отсюда, да потихоньку, через спортзал, там выход есть в тренажёрку, можешь положить его там, пускай

проспится.

– Роман, послушай меня, хочу дать тебе совет, может быть ты вместо того, чтобы конфликтовать, попробуешь с директором подружиться? Она – женщина статная, страстная, но одинокая, как раз нуждается в надёжном, способном помощнике...

– В каком смысле «подружиться»?

– В прямом, в самом прямом, я уже в том возрасте, когда физически тяжело быть дружелюбным трижды в день, а ты молод, сил полно...

– Слушай, (я отвернулся в сторону) прости, меня чего – то затошнило, ты это – всерьёз?

– А как же.

– Она чего, сама тебя просила об этом?

– Дурак, есть вещи, которые понимаешь без слов, ну так что, ты согласен?

– Нет, я конечно любитель древностей, но не до такой степени.

– А ты не торопись, подумай, в пятницу у нас сабантуй в кабинете технологии, там и пообщаетесь.

– Нет, тут и думать нечего.

– Не разочаровывай меня, ты же умный мальчик...

– Закрыли тему, я всё тебе сказал, пока, я пошёл!

Он остался у своего кабинета, укоризненно покачивая головой.

Мы с короткопалым опоздали к началу банкета, посвященного новогодним праздникам, в тот момент, когда мы пришли, пиршество было в разгаре, картина здорово напоминала работу Кукрыниксов «Конец. Последние дни в бункере Гитлера». Пьяная «цапля» крутилась словно дервиш – высоко задрав руки, она плясала под мелодию слышную только ей (музыки в кабинете не было), увидев нас, она громко гаркнула – ну что? Я ещё гожусь в жёны какому – нибудь депутату государственной думы? Школе нужно финансирование, я выбью денежки для детишек!

«Короткопалый» громко, не стесняясь, ответил – нажралась, (мне) – не обращай внимания, у неё это бзик такой, в молодости встречалась с кем – то из райкома, и до сих пор забыть не может.

– Так что, гожусь я ещё в жёны...

– Всё вокруг казалось дивным, триста лет тому назад! – громко пропел короткопалый, и присел на первый попавшийся стул, предварительно сбросив на пол чью – то кофту. Диспозиция в кабинете была такова. Столы были поставлены буквой «Т», администрация разместилась на вершине буквы, занимая горизонтальную её часть, бухгалтерия плотно заняла подступы к вершине, остальные, простые смертные, не допущенные к Олимпу, теснились ближе к выходу. Веселье достигло той стадии, когда все говорят одновременно, стараясь перекричать соседа, общая беседа распалась на десятки отдельных фраз.

– .. он смотрит на меня, хамло такое, глазки свои поросы-
чьи вылупил, а я ему говорю – перебьёшься, пишется с мяг-
ким знаком, понял?

– .. ничего не делает, тетради нет, учебника нет, только
вдыхает, как кот после кастрации, и на парте лежит, не за-
ставишь писать.

– ..меня посылает, а я ему – конечно, пойду, только ты мне
дорогу покажешь, ты же оттуда?

– .. булки отрастил мятые, как ты с такой задницей сто-
метровку пробежишь?..

Я присел на свободный стул, рядом с худенькой девочкой
из бухгалтерии, невзрачненькая, лицо изогнуто как долька
апельсина – подбородок выдаётся вперёд, худенькие плечи
напряжённо приподняты, перед ней стоял пустой стакан, на
тарелке сиротливо лежал кусочек яблока, очевидно, что об-
щее веселье её не захватило, её остановившийся взгляд го-
ворил о глубокой задумчивости. Я не успел поздороваться,
как с администраторского стола донеслось – опоздавшим –
штрафную!

– Короткопалый, с тебя тост!

– Тост! Тост!

Короткопалый встал, и начал речь, ещё не закончив же-
вать, кусок красной рыбы свисал у него изо рта, как у гончей
собаки – фадагие каллехи! Ф эфттот пфазднифный фьэнь...

– Прожуй сначала, не будь свиньёй!

Короткопалый волевым движением оторвал висящий изо

рта кусок рыбы, и шмякнул его на тарелку.

– Каждая женщина должна (в ходе своей жизни) решить две задачи: найти мужчину своей мечты, и ответить на вопрос – что же ей теперь делать с этой скотиной? Желаю же вам всем, чтобы ваш дом, не превратился понимаэш в скотобазу! С новым годом!

– Спасибо! С новым годом!

Ко мне подбежала, учитель начальных классов – вас просят сесть ближе к Милене Власьевне.

– Спасибо, мне и здесь хорошо.

Напротив меня сидел огромный, бородатый учитель математики, он степенно брал левой рукой шоколадные конфеты из лежащей перед ним коробки, перекладывал в правую, а потом отправлял в рот, методично освобождая коробку от содержимого, в бороде запутались кусочки еды: остатки макарон, хлебные крошки, зелень.

– Не случайно его называют «борода в говне» – громким шёпотом, абсолютно не смущаясь проартикулировал короткопалый, сидевший на противоположной стороне стола. Паулина капризным тоном простонала – Фи и – ммаа, гений ты наш компьютерный, сделай – ка нам курочку, там, в фольге лежит, в холодильнике. Фима спал, открыв рот, учитель технологии толкнула его локтем в бок – иди, курицу положи в микроволновку, начальство требует. Фима вскочил, ошалело осматриваясь, тонкая ниточка слюны растянулась от его рта до парты – а?...чё?

– Курицу нам приготовь!

Неверной походкой (в боксе это называют «ноги как спагетти») он подошёл к холодильнику, вытащил завёрнутую в фольгу курицу, и сунул в микроволновку. Не прошло и минуты, как фольга вспыхнула – Фима, ты идиот! Ты нас всех взорвёшь, выключите кто –нибудь микроволновку!

Тёплая, сердечно – сосудистая обстановка располагала к душевному общению. Я закинул руку на спинку стула соседки – бухгалтерши, и негромко, так, чтобы было слышно ей одной, сказал – надо быть очень грубым, чёрствым человеком, чтобы не поддаться вашему обаянию. Как только я пришёл сюда работать, мне стало грустно – вокруг одни бегемоты в женском обличье, я подумал что ж, не повезло, увидев вас, я понял, что ошибся.

Она ничего не ответила, только зябко обхватила себя руками, мочки ушей нежно порозовели.

– Говорят, что все женщины – одинаковые, я с этим не согласен, ваша шея выдаёт вашу яркую индивидуальность, эти чарующие завитки волос у вашего нежного ушка, шелковистая кожа, а этот аромат, аромат ваших прекрасных волос!

Я втянул носом воздух у её головы – так пахнут младенцы, смесь ванили и хлебного мякиша, запах свежести и чистоты. Что вы делаете здесь, такая нежная, чистая, среди этих каркающих горгулий?

– Как, как я поеду домой? Любой козёл, из тех, что я учила, любой может мне отомстить при встрече! – Паулина

вступила очень вовремя, бухгалтерша сдавленно хихикнула – крики завуча «как, как» – здорово напоминали воронье карканье. Директриса что – то шепнула ей на ухо, та соглас-но закивала головой, директриса встала

– Мне очень приятно сообщить вам, что у нас появилась новая пара...

– Фима и компьютер! – встрял короткопалый.

–Наша Маша и физрук!

– Горько! Гантели вам в помощь! – короткопалый не уни-мался – у нас появилась здоровая, я бы даже сказал здоро-венная российская семья, когда пригласите на свадьбу, обо-жаю салат оливье!

Все взоры устремились на Машу, девуцу с вытаращен-ными глазами, и крошечным, скошенным подбородочком, оказавшись в центре внимания, она вымученно улыбнулась, оскалив огромные, как у бобра резцы, и принялась усиленно массировать спину своему избраннику, демонстрируя забо-ту и ласку, тот пьяно дёрнулся, обвёл кабинет мутным взгля-дом, и продолжил разговор с самим собой – я в антифа пять лет... чё, проблемы?... любого завалю... Маша быстро заки-вала головой – правильно милый, я то же самое всем гово-рю...

– Вот и славно, ну, выпьем на ход ноги, и по домам – кто произнесёт тост?

Паулина схватила бокал – за то, чтобы процент качества был не ниже 78, и не забывайте про журналы – пять отметок

за урок, не меньше! Урра нашему руководителю – Милене Власьевне!

– Урра!

Короткопалый вытащил, откуда – то из глубин шкафа, гигантский, рассчитанный на Гаргантюа памперс, нацепил его на голову спящему Фиме, и с хрустом залепил липучку под носом у компьютерного гения, тот осоловело поводит красными глазами, и неразборчиво мычал, короткопалый освободил ему рот – что ты там блеешь, милый?

– Тошнит...

– Тогда памперс тебе просто необходим, беги быстрее в туалет, не забудь, у сливного бачка кнопка delete находится сверху, не перепутаешь?

Фима выбежал из кабинета под сочувственный смех коллег, директриса подошла к моей соседке – Люда, ты на машине? Подбросишь нас с Паулиной?

Люда быстро встала, и, не оглядываясь, пошла к двери, за ней директриса, вся администрация и бухгалтерия ринулись следом, кабинет мгновенно опустел, короткопалый незаметно ускользнул, пользуясь суматохой. Бородатый математик отставил в сторону пустую коробку из – под конфет, подтянул к себе блюдо с остатками рыбы, и деловито мастерил себе бутерброд, поскольку в кабинете стало тихо, заметным стало исходящее от него гудение, так обычно гудит трансформатор, находящийся под сильным напряжением – пытаюсь понять, что за звук я слышу, я подошёл поближе, и услы-

шал негромкое – хава, нагила хава... не обращая на меня никакого внимания он сноровисто сунул бутерброд в топку рта, не прекращая сосредоточенно напевать, физрук схватил прозрачную крышку от коробки с тортом, и его немедленно начало выворачивать, он стонал, хрипел как раненый буйвол, побагровел, натужно выпучив налитые кровью глаза – буээ, Маша продолжала сеанс массажа, нежно мурлыкая «милый, какой же ты у меня милый», крышка быстро наполнялась, содержимое грозило перелиться через край, замороженный, я простоял несколько секунд, пытаюсь сохранить эту сюрреалистическую картину в памяти: флегматично жующий математик, самоотверженно блюющий физкультурник, самозабвенно массирующая Маша, бесшумно крутящаяся в танце «цапля», идиллию нарушил ворвавшийся в класс Фима – где,... где она... я не могу без неё уйти. Я без неё до завтра не доживу...

– Кого ты ищешь, директора, завуча?

– Я же оставил её здесь, с вами, а вы...

– Да о ком ты?

– Она такая маленькая была, тихо лежала, я бережно взял её в руки...

– Ты ребёнка потерял что – ли?

– Поместил в микроволновку, и... забыл...

–?! В микроволновку? Ты о чём?

– О курочке... курочке гриль... с нежной, румяной корочкой..

12.

Бухгалтерия закончила работать в шесть часов, невзрач-
енькая вышла из школы быстрой походкой, и, не оглядыва-
ясь по сторонам, быстро пошла к машине, я догнал её и вло-
жил в правую руку огромный букет из желтых хризантем –
ой, зачем вы... не надо... это же дорого...

– Деньги – вздор, главное это «тебе внимать, твой видеть
милый взор, забуду ли улыбку, взор прекрасной, и огненный,
волшебный разговор», я провожу вас?

– Я на машине...

– Ну, хотя бы до машины?

– Ну... проводите...

У машины она остановилась – может быть вас подвезти?

– До дома, а там подняться на чашечку кофе? Хотите вос-
пользоваться ситуацией? Не надо, врачи запретили мне воз-
буждаться, никакого секса до свадьбы, да и после свадьбы
стоит подумать...

Она легонько, смущённо прыснула в ладошку левой руки,
правой (с зажатым в ней букетом) она дружески ткнула меня
в плечо – а вы – забавный.

– Во мне масса скрытых достоинств, я – умный, смелый,
сильный.

– Скромный.

– Точно, как же я забыл...

– Так вы едете, или нет?

– Нет, не сегодня, мне надо зайти кое – куда, может быть

в следующий раз, ну, до встречи!

– До свидания!

С дурнушками сложнее, чем с красавицами, торопится, учитывая, что достоинства предмета сомнительны – настоящее свинство. Наши встречи стали ежедневными, я провожал её до машины (маленький синий Пежо), мы обсуждали школьные новости, она смешно изображала главного бухгалтера – обрюзгшую тётку с бараньим лицом, заливисто смеялась над моими шутками, всё было чинно – благородно, по старому, я не торопил события, ожидая инициативы с её стороны, и накануне 23 февраля, она подвезла меня до дома, и в тот момент, когда я уже открыл дверь машины, чтобы выйти, она сказала, что замёрзла, и с удовольствием выпила бы чашечку кофе, поднимаясь на лифте на мой восьмой этаж, я слышал её тяжелое, возбуждённое дыхание, и понял, что обойтись одной чашечкой не получится. Всё произошло очень быстро, я не успел закрыть дверь, а меня уже обвили нежные девичьи руки, подчиняясь её напору, я рухнул на пол в прихожей, несколько мгновений сладкой истомы, и в мозгу произошёл ослепительный, белый взрыв, моё сознание медленно угасало...

– Ром, ты спишь?

– Нет, прийти в себя не могу.

– Тебе плохо?

– Нет, я прекрасно себя чувствую, ощущение полёта, невесомости, расслабленности, хочется кричать от восторга,

со мной такое первый раз, до встречи с тобой я был мальчик – колокольчик и ни разу ни день – день.

– Может быть, перейдём в комнату?

– Это ещё зачем, мне здесь нравится, резиновый сапог так эротично упирается мне в задницу, а клюшка в рёбра...

– Прекрати, пойдём в кровать, а то не по–людски как – то...

– Насиловать невинных мальчиков в коридоре – это по –людски, а приходиться после этого в себя не по –людски? Ну, извините...

– Кончай, ты меня заставляешь краснеть...

– Кончать? Ещё раз? Я так часто не могу...

– Дурак, я не в этом смысле...

– Люд, чего ты во мне нашла, а? Окрутила наивного маль-
чоночку, теперь в ЗАГС поведёшь?

– Ты хочешь всё испортить? Я..

– Да шучу я, шучу, слушай, прихожую мы опробовали, да-
вай теперь на кухне, затем в ванной, далее везде...

– Ты – неисправим, я пошла домой...

– Звёздочку рисовать? Ну, знаешь, как лётчики на фюзеле-
ляже рисуют – за сбитый самолёт ...

– Пусти меня, мне нужно в ванную.

– Я с тобой, спинку потру...

Школа – замкнутый мирок, здесь все друг о друге всё знают, очень скоро мастодонты – бухгалтерши стали благо-
склонно улыбаться мне при встрече, и зазывать меня на чай,

я стал вхож в бухгалтерию в любое время, Люда (как самая младшая) засиживалась допоздна, она работала с бумагами, а я – бомбардировал её вопросами.

– Чего ты решила в бухгалтера пойти, деньги любишь?

– А ты чего в учителя пошёл?

– Я этому учился...

– Я тоже, закончила Плехановскую академию, и пошла по специальности...

– Сложно работать в бухгалтерии?

– Не то чтобы очень сложно, а ... как бы это сказать... много времени надо, на всю эту бумажную свистопляску...

– Воруешь?

– Чего? Кто? Я.. да ты о чём?

– О деньгах?

– Опять твои шуточки?

– Не, ну, правда, вы же обманываете нас с зарплатами, скажи мне честно, положи руку на это самое дело...

Телефонный звонок заставил Люду дёрнуться – возьми трубку, мне некогда...

– Алло, это кафе «бухгалтерия по – быстрому», если не хотите бухгалтерии, давайте просто по – быстрому, не хотите по – быстрому, давайте медленно...

– Роман Викторович, это Милена Власьевна, дайте мне кого –нибудь из бухгалтеров

– Даю – даю... Люд, это – директор.

– Да Милена Власьевна, да, сделано...да, я сейчас при-

шлю вам по аське...

– Чего, честно украденные денежки дербаните?

– Дурак, у меня из – за тебя будут неприятности, чего ты несёшь – «по – быстрому», что она о нас подумает...

– Плевать мне на то, что «она» о нас подумает, вся школа о нас знает, чего стесняться?

– Так нельзя, это неприлично...

– Что неприличного в отношениях мужчины и женщины? Когда несвежая бабка спит со своей бывшей ученицей – это неприлично, даже не так, это противоестественно, я как представлю старческие подштанники, знаешь голубенькие такие – у меня всё опускается сразу...

– Фу, какой ты похабный...

– Ладно – ладно, ловко ты меня от темы увела – как вы воруете деньги, рассказывай!

– Иди отсюда, пока я тебе дыроколом башку не проломила, чего пристал?

– Шутю я, шутю, дай поцелую, обожаю тебя целовать, когда ты дуешься, у тебя губки такой эротичной куриной гузкой складываются, вылитая старушка в голубеньких подштанниках...

Дырокол просвистел в опасной близости от моей головы и попал прямо в грудь ученику, открывшему дверь в бухгалтерию, парень вскрикнул и упал на пол

– Ты как, пацан?

– Больно...

– Ой, кажется, кровь течёт, Люда, ты его убила!

Люда вскочила, и, сделав рот буквой «о» побежала к нам

– где?

– Вот, на штанах, или это не кровь, она вроде бы красная должна быть, а здесь коричневое что – то...

– Ты... ты... кретин! Такими вещами не шутят!

– Будешь знать, как метать в меня тяжёлые предметы!

– Мальчик, как ты себя чувствуешь? Ты меня слышишь?

– Слышит, искусственное дыхание ему сделай, а я на телефон снимаю...

На этот раз она рассердилась по – настоящему, хохоча как демон, я вышел из бухгалтерии

13.

– Ну, Мордасова, выходи к доске, назови предпосылки отмены крепостного права.

– Пипеец, а чё я то сразу?

– А чё бы и не ты?

– Не, ну ваще, пусть кто – нидь ещё...чё я – крайняя что ли...

– Дура ты, Мордасова, крайняя бывает только плоть, а ты – последняя...

– Дроченко, не надо бы тебе, с твоей -то фамилией, по поводу крайней плоти...

– Извините, что прерываю вашу чудную дискуссию, я вижу, что желающих идти к доске нет, поэтому записываем задание для всего класса...

Дроченко (альбинос с красными от бессонницы глазами) протянул, вкладывая в свои слова похабный смысл – а вы... даёте.. (долгая пауза, радостный смех класса)... мне... ручку?

– А ты... берёшь... у меня... карандаш?

– А вы злой.

Дверь в кабинет открылась, запыхавшийся мальчишка выпалил – вас в кабинет биологии требуют! Срочно!

– Кто требует, зачем?

– Паулина Теодоровна, зачем не знаю.

Спустившись в кабинет биологии, обнаруживаю там кипящую от злости Паулину

– Чего вы так долго?

– Успеваает всюду тот, кто никуда не торопится.

– Дурацкая мысль.

– Не моя, я только...

– Не важно, наша школа должна пройти аттестацию, иначе у нас будут серьёзные проблемы, дети из 8 «а» пишут диагностику с наблюдателем...

– А я – то здесь причём?

– Вы поможете им...

– Каким образом, ведь в аудитории присутствует наблюдатель?

– Насчёт него не беспокойтесь, всё договорено.

Какое чудо эти современные мобильные телефоны, здесь тебе и диктофон, и видеосъёмка!

– А кто там наблюдатель – женщина, мужчина?

– Женщина.

– Откуда она?

– Из МЦКО.

– Кажется, я её знаю, это же Лидия Терентьевна Гнуслик!

– Нет, это Надежда Николаевна Мзда.

– Как? Мзда? Какая хорошая фамилия, Светлана Ивановна говорите...

– Надежда Николаевна...

– А это вообще законно?

– Конечно же, нет...

– Вы хотите, чтобы я совершил правонарушение, а ради чего мне это делать?

– Ради школы, Милена Власьева очень вас просила...

– Пусть даст мне письменный приказ, с печатью.

– Нашли время выкобениваться, она не может дать вам такого приказа!

– Значит, вы дайте!

– Хорошо, я приказываю вам помочь этим детям, садитесь в лаборантской, сейчас я принесу вам варианты работ, вы пишете ответы, остальное не ваша печаль, понятно?

– Вполне.

Четыре варианта заданий по истории я выполнил за семь минут, скрупулёзно снимая процесс на свой телефон, затем выхожу в класс (держу включённый телефон в правой руке, прижав её к груди) и передаю ответы Паулине, засняв её в

процессе передачи ответов детям, снимаю неподвижно сидящую Мзду, упорно глядящую в окно, и не замечающую того, что происходит в классе, а затем, грациозно выхожу из кабинета. На пути в мой кабинет, меня остановила делегация родителей – уважаемый Роман Викторович, накануне дня советской армии мы хотим пожелать вам здоровья, счастья, успехов в вашем нелёгком труде, и терпения в работе с нашими детьми! Родители вручили мне конверт, и двинулись в сторону кабинета короткопалого, раскрыв конверт, я обнаружил в нём праздничную открытку, и мятую бумажку, с которой на меня строго смотрел Саша Гамильтон. Не прошло и двух уроков, как ко мне в кабинет влетел раздражённый короткопалый – сучары, бя... совсем оборзели!

– Что случилось?

– Тебя сегодня с праздником поздравляли?

– Да.

– Чего подарили?

– Открытку.

– И всё?

– Всё.

– Мне, Фиме, физрукам, подарили по десять долларов...

– И что, ты недоволен?

– Звонила Милена, орала, требовала, чтобы все, кто получил деньги, срочно сдали их ей, и никаких подарков от родителей и детей больше не принимали.

– Почему?

– Это незаконно, это взятка!

– Всегда было законно, а теперь вдруг незаконно?

– Об этом и речь, какого хера я это терплю? Она издевается!

– Интересно, а что она будет делать с этими деньгами?

– Да уж не родителям же она их вернёт, приляжкнет, сто процентов!

– Да ты чё?

– А как же, я её знаю, жадная с... и с такими руководителями они хотят строить новую Россию? Сынок Паулины переведён на «семейное обучение» – кто бы мне объяснил, что это такое? Здоровый парень в школу не ходит, заданий не выполняет, где он? Что он? Я у Паулины спрашиваю, как его аттестовывать? Она мне – вам, что больше всех надо? У нас круглые дебилы школу заканчивают, и он закончит! Из семьи ушла, пацан предоставлен сам себе. Скоро экзамены, у меня сорок человек ЕГЭ по обществознанию сдают, эссе писать никто не умеет, там надо рассуждать – они не могут, примеры приводить не могут – откуда мы их возьмём? Я говорю – из книг, смеются, они же ничего не читают, спрашиваю – кто читал «трёх мушкетёров» (в моё время такой вопрос стыдно было задавать), поднимите руку – одна рука, и то, не читал, а кино смотрел американское. Поколение зомбированных лохов, без телефона шагу ступить не могут, вай-фай не работает – всё, все передохнут от голода и холода, я у них спрашиваю – что делать будешь, если ты оказался в лесу,

телефон не работает, и тебе не у кого спросить – о кей гугл, с какой стороны у дерева мох? Молчат, шары вылупили. Лет пять назад я в классе устраивал дискуссии! Мы дискутировали по поводу макиавеллизма, обсуждали монетарную политику, теорию общественно – экономических формации, пускай не всё было гладко, но у детей была своя точка зрения! Сейчас её нет, им ничего не интересно, равнодушные лица, им уже в пятом классе на всё плевать, урок – это досадная помеха, промежуток между играми, объяснить смысл прочитанного не могут, найти главную мысль текста – не могут, составить план – проблема, ведь текст надо читать! Это же пытка! Какой была цель нашей работы в советское время?

– Какой?

– Формирование гармоничной, всесторонне развитой личности! Вот это цель! Человек – творец, способный подняться до божественных высот, покорить силы природы, преодолеть время и пространство! Результат зависит от цели, если ты ставишь цель сформировать гармонично развитую личность, то на выходе получишь Прометея, человека, для которого нет границ и горизонтов, того, кто в состоянии раздвинуть границы возможного, а если ты как наш министр говоришь, наша цель – это «воспитание квалифицированного потребителя» – то есть тупого барана, который сможет отличить Липтон от тампакса, и не станет закусывать тампоном, потребляя сучёныш, зря что – ли тебя одиннадцать лет учили? В этом случае получи полу пьяненькое, с соплями

до колена, чмо, которое при любом удобном случае бубнит о своих правах, и знать не знает о своих обязанностях. Можешь преодолеть расстояние до пивной, квалифицированно потребляешь водяру – ты овладел государственным образовательно-стандартом! Кстати знаешь, что значит «овладеть стандартом»? О каком уровне знаний идёт речь? О «пятёрке»? Ничего подобного – «тройка» означает овладение стандартом, нам на курсах в МИОО говорили, наша цель – штампование троечников, полуфабрикатов! Ты знаешь, что Мордасова в медицинский поступает? Представляешь, ты попадаешь к ней на операционный стол, а она говорит – ну, пипец, а чё я – то? Я это ещё не изучала! А Дроченко? Этот наркоша собирается в полиции служить, он сидеть нормально не может, тычется носом в собственный член, его согнуло уже от наркоты, а туда же – «наша служба и опасна и трудна». Что будет со страной, когда они окончат школу и займут разные должности? А как тебе ЕГЭ?

– Никак, я ещё не сталкивался, когда я учился, его ещё не было, а здесь у меня ещё нет выпускных классов, только шестые – восьмые.

– У тебя всё впереди. ЕГЭ – это мать твою контртеррористическая операция: глушилки мобильной связи, металлоискатели (рамочные и ручные), камеры по всему периметру – обстановочка как в колонии строгого режима. Несчастных имбецилов трясёт от ужаса – предмет выучи, бланки заполни, уложись в отведённое время, к маю месяцу, они от ужа-

са ничего не соображают. А ведь их ещё научить надо, специальных часов для подготовки к экзамену в учебном плане нет, а готовиться надо, чего делать?

– Чего делать?

– На уроках проходим программу – теорию, а на индивидуально – групповых, элективах, нарабатываем навыки выполнения экзаменационных заданий, алгоритм – то везде разный. Вот и получается, что ребёнок должен знать материал, плюс уметь выполнять задания разного уровня сложности. Два абсолютно несвязанных друг с другом процесса, натаскиваешь их как жучек на этот экзамен – а зачем? Абсолютно выморочная форма, устный предмет сдаём письменно – как тебе? Скоро будем физру письменно сдавать – опишите, как вы бегаєте, какую ногу надо ставить первой, а какую второй! На устном экзамене сел он передо мной, пускай он даже списал – я ему задам два – три вопроса, и мне сразу ясно – знает или нет, а здесь вбухали бешеные деньжищи: бланки, справочная литература, камеры, глушилки, металлоискатели – а зачем? В прошлом году варианты с ответами продавались, у нас выпускники скидывались всем классом и покупали ответы ко всем предметам, или Дальний Восток выкладывал – у них уже вечер, а у нас утро, они уже написали, и выложили в сеть варианты. Все это знают, и при этом ЕГЭ не отменяют, знаешь почему? Люди причастные к экзамену, крепко присосались к бюджетной титке, чмокают, стонут от удовольствия – не оторвёшь, там такие день-

жищи крутятся – о– го –го! Поэтому пишут, и будут писать дальше в форме ЕГЭ, а то, что дети всё слабее и слабее – это никого не волнует. А министерство сочиняет всё новые и новые бредни, раньше существовало такое понятие – ЗУН, знания, умения, навыки, теперь же придумали «компетенции», что это такое, никто объяснить не может, но мы обязаны их развивать на своих уроках, плюс к этому – рабочую программу по каждому классу пиши, пояснительную записку пиши, проектной деятельностью занимайся (ещё один бесполезный геморрой, всё с интернета скачивают, приносят прямо с фамилией автора, ума нет свою подставить), отчёты по всем тренировочным, диагностикам в тот же день пиши, элективы проводи, индивидуально – групповые занятия проводи, с надомниками занимайся, курсы повышения квалификации посещай, теперь ещё экзамены по предмету будем сдавать, в научных конференциях участвуй, открытые уроки проводи, в олимпиадах участвуй, а их теперь куча – всероссийская, московская, Ломоносовская, музейная, я не говорю про уроки, а это – время на подготовку – и всё это за одну зарплату, а эта тварь последние десять баксов отнимает! Из – за таких вещей и происходят революции!

– Вот это да! Да ты – оратор, такой пафос, всю систему в пух и прах, и всё это из – за десяти долларов!

– Извини, накипело просто, чего – то я увлёкся, вы в пятницу долго сидели после моего ухода?

– А во сколько ты ушёл, ты так незаметно испарился...

– Да мне за рыбой надо было сходить...

– Да –а, понятно, нет, не долго, скоро разошлись.

– А то мне охранник рассказывает, что он ночью проснулся от какого – то воя, сначала думал ветер задувает, потом слышит слова какие – то, а откуда они идут, понять не может, ходил – ходил, и понял, что звук раздаётся из учительского туалета. Охранник открывает дверь запасным ключом (ты же знаешь, она запирается на ключ, и кто – то этот ключ тиснул), а на толчке сидит «борода в говне», и тихонечко воет – «помогите, лююю– ди!», оказалось, он зашёл похезать, и кто – то запер его снаружи, и выключил свет, дедок просидел на параше до пяти часов утра, я вот и подумал – это твоих шаловливых ручонок дело?

– Нет, да мне такое и в голову не пришло бы, да и зачем, я его совсем не знаю?

– Да так просто, посмеяться, а?

– Нет, я не причём (и тихонько прикрываю тетрадь, лежащий на моём столе ключ от учительского туалета).

– Ну, ясно, лады, пойду сдавать валюту в директорский обменник.

– Давай, увидимся.

14.

– К вам можно?

В дверях кабинета стояла раскрасневшаяся цапля.

– Вам всегда можно, дорогая Лия Анатольевна.

– Ну, я им сейчас задала, пускай знают сволочи, что мы за

ними следим, держим руку на пульсе!

– Вы как будто на ринге отстояли пару раундов, что случилось?

– Получила я сегодня квиток, а мне опять неправильно насчитали зарплату, я сразу поднимаюсь в бухгалтерию к этой овце толстомордой (главному бухгалтеру), и с большевистской прямоотой спрашиваю её – почему вы обманываете нас с зарплатой, который месяц расчёт произведён неправильно, она глаза выпучила и молчит, пока она не начала блять, я продолжила – возможны два варианта. Первый. Вы – некомпетентны, ошибки объясняются тем, что вы занимаете не своё место. Второй. Вы делаете это намеренно, а значит, совершаете правонарушение. И в том, и в другом случае, вам здесь не место!

– А она...

– У неё была истерика, она бегала по бухгалтерии, кричала...

– Очень любопытная реакция...

– Это ещё не всё, я потребовала, чтобы она показала свой зарплатный квиток, потому что я – учитель, руководитель методического объединения, классный руководитель, получаю копейки, а у неё зарплата выше моей...

– Показала?

– Нет, она схватила квиток одной из бухгалтеров, и стала мне показывать её зарплату, свой так и не показала, а когда я стала настаивать, она перекрыла мне выход из бухгал-

терии, и кричала, что не выпустит меня до тех пор, пока я не скажу – кто меня надоумил поинтересоваться её зарплатой, остальные бухгалтера её успокаивали, она вытряхнула на пол содержимое своей сумочки – непонятно зачем...

– Чтобы показать отсутствие нетрудовых доходов, да. Вы устроили настоящее шоу, первая же попытка потрогать мадам бухгалтершу за тучное, мясистое вымя, и такая болезненная реакция, это очень хорошо, браво!

– Что мы будем делать дальше?

– В ближайшее время я ожидаю важных новостей, скоро мы получим рычаг, необходимый для того, чтобы разворошить эту навозную кучу. А пока продолжим тактику булавочного укола. Вы помните, как нас обязали получать справки из псих диспансера?

– Конечно, с нас взяли за эту услугу по 700 рублей, хотя это всегда было бесплатно...

– Правильно, так вот, в соответствии с трудовым кодексом, все медосмотры проводятся за счёт работодателя, а это значит, что школа обязана нам эти деньги вернуть. Лия Анатольевна, голубушка, не в службу, а в дружбу, поднимитесь завтра в бухгалтерию, и нейтральным тоном (без эмоций), поинтересуйтесь – почему бухгалтерия нарушает трудовое законодательство, и не возвращает нам наши деньги? Если внятного объяснения не будет, вздохните жалобно, и поставьте их в известность, что в случае невозврата денежных средств, вы будете вынуждены обратиться в вышестоящие

инстанции.

– Хорошая идея, завтра же займусь.

– Вместе победим!

Цапля вышла, а я набрал по внутреннему телефону номер Навсикай – Навсикая Алкиноевна, радость вы моя, как ваши дела?

– Хорошо, а как у вас?

– Блестяще, вы сейчас заняты?

– Не особенно, а что вы хотели?

– Есть у меня к вам деликатный разговор, я зайду?

– Заходите.

Захожу в кабинет географии, и останавливаюсь (будто бы поражённый в самое сердце) – какой тонкий, чувственный аромат, только вы с вашим утончённым вкусом могли выбрать такие духи, не говорите название, попробую догадаться... ммм, я чувствую шалфей, немного гвоздики...немного бергамота,... что же это может быть... ах я даун, это же мисс Диор – я прав?

– Откуда вы знаете, вы просто чародей, сколько в вас талантов...

– Не заставляйте меня краснеть от смущения, просто мне пришлось поработать консультантом в отделе парфюмерии, до того как я начал работать в школе (а ещё я вижу флакон от Диора на твоём столе, но тебе об этом знать не обязательно, недалёкая ты моя). Навсикая Алкиноевна, настало время нанести повторный удар, знаете в боксе есть такая комбина-

ция, называется удар почтальона – сначала боец пробует защиту соперника, наносит несколько прямых, несильных ударов левой рукой, а затем неожиданно наносит сильный удар правой в голову, нок. нок, и бум! Почта доставлена! Наше письмо было первым пробным ударом, настало время нанести второй. Вы хорошо знаете местную фауну, у кого тут ещё рыло в пуху?

– Да у многих, завучей всех надо сажать, одни крохоборы, я про всех всё знаю, по ним Гуантанамо плачет, я по телевизору видела, это тюрьма такая, где заключённых собаками травят и бьют током по яй...ну, в общем по болезненным местам.

– Хорошо, а кто у нас тут самый коррумпированный?

– Социальный педагог, Гнилососкина, с детским питанием мухлюет, жратву из столовой тоннами таскает, дочечка ейная Матильда, уже 58 размер носит, а девчульке всего – то пятнадцать лет, ей уже можно принимать участие в боях сумо, разъелась на уворованном, жрёт и жрёт, жрёт и жрёт, как я её не встречу – она или в столовую, или из столовой идёт, её на уроке спрашиваешь, так она, прежде чем начнёт говорить, должна прорыгаться, а то и пукнуть пару раз, вы уж простите за натурализм, моему возмущению нет предела, а вчера она подходит ко мне после урока и говорит, мне нравятся ваши уроки, я как школу закончу, приду сюда работать учителем географии, будем коллегами, я аж поперхнулась и говорю, Тильдочка, ты лучше в мясо – молочный поступай,

у тебя к этому делу все способности есть...

– Ну, вот и славно, опишите подвиги Матильдовой мамашки...

– Как подписывать, снова выдуманной фамилией?

– Нет, на этот раз подпишите так: Педагогический коллектив школы №.., а я зайду к вам с флешкой, и придумаю, как это письмо отправить, договорились?

– Да, Роман Викторович, хотя как – то это всё...не очень... не по – людски как – то...

– Полностью согласен с вами, но что поделать, такая ситуация, мы с вами чистые люди, но вынуждены действовать грязными методами, эти люди не поддаются уговорам, пытаются взывать к их сознательности – это просто наивно, как можно обращаться к совести того, кто её лишён? Нам нужно скovyрнуть этот гнойный нарыв на здоровом теле нашей школы, он прорвётся и всем станет легче дышать...

Из коридора донесся громкий шум, крики, грохот падающего тела, затем раздался громкий вой – что происходит? Распахнув дверь, мы стали свидетелями очень трогательной, чисто школьной сцены. Стриженное под кружок существо с лицом сильно пьющего подростка таскало за волосы социального педагога, та пыталась лягнуть существо ногами, действие сопровождалось поощрительными репликами «сучка», «долбанная лесба», всё было очень мило, по – семейному, парочка кружилась в клинче, сопя, фыркая, разбрызгивая слёзы и сопля, багровели напряжённые лица, в воздухе мед-

ленно и плавно парили клочки вырванных волос, обвисшие бретельки бюстгалтера открывали вид на увядшие прелести социального педагога, коридор постепенно заполнялся учащимися, которые на ходу доставали мобильники, для того, чтобы запечатлеть эпохальную сцену, увековечить для будущих поколений. Откуда – то выскочила Паулина, нежно обняв существо за то место, где у женщин должна быть талия, она решительно увела его, оставив поле боя за социальным педагогом. Навсикая увлекла вторую участницу спарринга в свой кабинет, усадила на стул, и, причитая, стала приглаживать торчащие волосы, пытаясь прикрыть проплешины (существо ушло, сжимая пальцами вырванные из головы соперницы клочья волос).

– Эридошка Петровна, что происходит? Что случилось?

«Эридошка Петровна» громко хлюпая, высосала стакан воды, и молча протянула его Навсикае – ещё? Получив утвердительный кивок, Навсикая потрусила к кулеру за новой порцией – возьмите, пожалуйста. «Эридошка» выпила второй стакан, и с чувством произнесла – ссука!

–?!

– Первухина – сука!

– Ах, так это была она, та самая Первухина?

– Та самая. Я (как социальный педагог) заблокировала её карточку, мне надоел этот разврат в стенах школы, эта тварь шляется здесь как у себя дома, меня от неё тошнит. Я не понимаю Паулину, ну ладно, можно уйти от одного мужика к

другому, но (простите мою прямоту) променять настоящий член на резиновый? В моём сознании это не укладывается. Так эта тварюга пришла сегодня в школу (надо охраннику надавать по пиздюлятору, простите мой французский – как он её пропустил?), и стала на меня орать, требовать, чтобы я восстановила действие карты, я ей говорю – у меня такие связи, что ты голубушка обдрищешься, я с такими людьми знакома, что тебе в и твоих розовеньких снах не снилось, я тебя умножу на минус икс, сучье вымя...

– А она что?

– А что она, стала орать, что у неё тоже есть знакомые, и она меня уничтожит, и я не буду здесь больше работать...

– А вы, Эридошка Петровна, что вы ответили ей, этой наглой девке?

– Я ей дала пощёчину, ну а дальше... дальше вы видели...

– Какая наглость, как она посмела поднять на вас руку... страшно становится за нашу школу... куда мы катимся? Да, Роман Викторович?

– М-да уж, уж да...

– Эридошка Петровна...

– Да хватит вам сюсюкать со мной, как со слабоумной – «Эридошка», тьфу, меня зовут Эрида, прекратите паясничать!

Лицо Навсикаи сильно побледнело, серыми, безжизненными губами она прошептала – я думала, ... может быть... написать заявление в полицию...

– А вот это – хорошая идея, я ещё схожу в травм пункт, сниму побои, надо всё зафиксировать...

– А что это за грохот мы слышали, кто – то упал?

– Не знаю, я не падала, по – моему Вах –Каналия грохнулась...

Она вскочила, воодушевлённая идеей отмщения, и стремительно вышла из кабинета.

– Хамка, я ей посочувствовать пыталась... а она...

– Она не нуждается в вашем сочувствии, и то, что с ней случилось – очень приятный пустячок, пауки начинают поедать друг друга, я получил настоящее наслаждение, наблюдая за этим боем за звание чемпиона школы в весе курицы.

Навсикая растерянно смотрела на меня – правда? Вам понравилось? А по – моему, это ужасно, это такое разложение, полная деградация... драка двух женщин... в школе...

– То, второе существо – это была женщина?

– Да, это та самая Первухина, к которой ушла Паулина...

– Ну, вот теперь, я знаю, как выглядят женщины, и буду их сторониться, а кто такая Вах...ханалия?

– Вах – Каналия Псориазовна Скотинюк – завуч начальной школы, очень чувствительная дама, наверное, сердце не выдержало этого душераздирающего зрелища...

– Ясно, ну мы обо всём договорились? Хорошо, как закончите, позвоните мне, ладно?

15.

– Людок, я сильно проголодался, а говоря прямо – жутко

хочу жрать, что, если мы с тобой пообедаем в каком –нибудь кабаке?

– Ну... я не знаю... у меня работы полно...

– Да мы недолго, ты уже обедала?

– Нет

– Ну, вот и славно, я тебя жду у выхода.

– Только я сегодня без колёс.

– Чего случилось?

– Машина в автосервисе, подвеска полетела.

– Ладно, я что –нибудь придумаю.

Люда вышла из школы и стала искать меня глазами, растерянно оглядываясь по сторонам – шеф, библики ей.

– Запрещено.

– Я заплачу за беспокойство.

Люда услышала сигнал, и неуверенными шагами подошла к машине – ого, да у нас всё по – взрослому, да?

– Садись, у меня уже в брюхе урчит, командир, вези нас в какой –нибудь ресторан, но чтобы там было тихо и можно было бы спокойно поговорить.

– Есть такое место, и не очень далеко.

– Вот и хорошо.

Минут через пять машина остановилась у здания, выполненного в псевдоклассическом стиле – ложные колонны дорического ордера, гипсовая квадрига на аляповатом портике, перед входом стоял швейцар в костюме такого ядовитого цвета, что у меня началась изжога – это оно, то самое место?

– Да, лучше здесь ничего нет.

– Спасибо, держи, сдачи не надо – я протянул водителю десять долларов.

– Я могу вас подождать.

– Договорились.

– Откуда деньги, Ром?

– Встречался вчера со своим сутенёром – зарплата за месяц.

– Дурак, вечно ты со своими шуточками.

Внутреннее содержание ресторана соответствовало внешней форме – несвежие скатерти на столах, из колонок полуглазненно хрипел шансон, ножки столов покосились – здесь много и с аппетитом ели, а ещё больше пили, со всеми вытекающими отовсюду последствиями. К нам подошёл метрдотель с кислой физиономией, узнав, что мы собираемся обедать, он скис окончательно, бросив на нас жалобный взгляд, он зашаркал в сторону кухни – минут через пять будет горячее – подождёте? – прокричал он издалека, не удосужившись подойти ближе.

– Конеечно, аууу! – крикнул я, сделав руки рупором.

Люда хихикнула – прекрати!

– Да ладно, он мне сразу понравился, рожа гнилая, будто срать хочет.

– Ром, мы же обедать собираемся!

– Ладно, виноват, простите дауна.

– Чего вдруг, ты решил свозить меня в ресторан?

– А что, наши отношения уже достигли той стадии, когда я могу ходить по квартире в трусах, и демонстративно чесать яйца?

– Нет, я не об этом...

– Люд, скажи честно, ты меня любишь?

– Нуу... ты мне нравишься, ты необычный... смелый... весёлый... я таких ещё не встречала...

– А, так у тебя богатый опыт отношений, было много разных, но таких как я ещё не было, правильно?

– Нет, я не это хотела сказать...

– Ладно, я понял, Люд, а ты всю жизнь собираешься в бухгалтерии просидеть, шурша бумажками как таракан?

– Чего – то мне не нравится твой тон.

– Тебе что, нравится быть на побегушках? Подай – принеси, неужели не хочется большего? Мы живём в огромном и удивительном мире, я вот хочу побывать в Фигейросе – там музей Дали, хочу, есть свежельвовленную, средиземноморскую дорадо на обед, запивая сухим испанским вином, проплыть на лайнере во фьордах, искупаться в гейзерах Исландии, смачно плюнуть на головы парижан с уродской Эйфелевой башни, встретить Новый год на Таймс – сквер, я хочу заниматься дайвингом на Мальдивах, и прыгать с парашютом в Эмиратах, управлять самолётом и океанским лайнером, хочу пить розовое шампанское из твоей ключичной ямки, хочу белый «Агуар» с водителем – негром, одетым в белую шиниллу, я хочу жить, я хочу всего! Всё это и даже больше –

всё это моё, какие – то заскорузлые дуры из школьной администрации хапают огромные деньги, и переводят их на говно, у них нет ни ума, ни фантазии для того, чтобы эти деньги со вкусом потратить: жратва, безвкусные тряпки себе, мобильные телефоны детям, машины и пиво – пузатым мужьям с красными шеями и волосатыми ушами, эти унылые, пошлые самки не умеют жить, но они занимают руководящие должности, косные, закомплексованные, неумные, а я молодой, здоровый, талантливый, не могу себе этого позволить, потому что не хочу и не умею пресмыкаться, короткопалый мне предлагает с директрисой «подружиться» – ты как, не против моей дружбы с этой старой лоханкой? Против? А чего так? Раз так, то я должен найти другой способ пробиться, и я его нашёл, но без твоей помощи мне не обойтись.

– Фу, как пошло... ты такой же скучный, как и все остальные... деньги, поездки на море... шампанское... парашюты... какая банальность... какой примитив...

– Как здорово, что тебе не понравилось! Я совсем не такой! Ты же не восприняла всерьёз мои жлобские выдумки? Неужели я похож на одного из этих уродов, которые готовы убить за жирный кусок? Я произвожу такое впечатление?

– До сегодняшнего дня такого впечатления у меня не было, ты казался мне необычным, а теперь...

– Я и теперь такой, ммм, ты ставишь меня в трудное положение... у меня есть обстоятельства перед другими людьми, открывая тебе эту тайну, я должен быть уверен в том, что ты

никому о ней не расскажешь...

– Ты о чём?

– Тебе нравится наша жизнь?

– Ты уже спрашивал, про переключивание бумажек...

– Я не об этом, я о тех людях, которые подгрести под себя мою родину, об этих вонючих опарышах, которые доедают труп великой страны, обгладывают, чавкая, давясь, отрыгивая, и жадно урча, а в перерывах между приёмами пищи они поучают нас жить, с жирных губ слетают словечки «эта страна», «генофонд», «нация рабов», «работать не умеете», а ещё глумливо так «духовные скрепы», «народ – богоносец». У меня с этими людьми эстетические и культурологические разногласия. Людишки, обладающие тоталитарным складом мышления гордо именуют себя либералами, и одышливо, сладострастно повторяют такие слова как: люстрация, чистки.. Отрицают советское прошлое, проедавая его наследство, подвергли осмеянию коммунистическую идеологию, и ничего не предложили взамен, великому народу нужны, великие цели, цели в концентрированном виде содержатся в идеологии, какая цель у нашей страны?

– Не знаю

– Угу, никто не знает, корабль без руля и ветрил, так называемые либералы критикуют правительство, состоящее из либералов, за то, что оно недостаточно либерально, двадцать лет словоблудия – таргетирование инфляции, девальвация, кариес, перхоть, пятна на белом и прочая параша. И в

результате: народ совершивший прорыв в космос, одержавший победу войне, показавший всему миру другой, не людоедский, некапиталистический путь развития, достигший высшей ступени общественного развития, этот народ делает неуверенный шаг назад, из коммунистической формации в капиталистическую. С точки зрения теории общественного прогресса, мы – нация деградантов, в истории есть примеры, когда нация делает шаг из капитализма в социализм, но не наоборот, мы совершили первую социалистическую революцию, реализовали вековую мечту о социальной справедливости, а затем предали идею в обмен на сладкую жратву, мы променяли первородство на чечевичную похлёбку.

– Я не совсем понимаю, о чём ты говоришь, какая похлёбка?

– Не важно, наша цель – разрушение нынешней системы, и разрушать мы её будем изнутри, мы займём руководящие должности, дискредетируем саму идею, уничтожим систему, основанную на лжи и лицемерии. Я – вирус, который взорвёт систему, без разрушения нет созидания..

– Ух ты, вот это да, вот, оказывается, о чём, ты мечтаешь...

– Да нет, это так, лишь часть замысла.

– Чем я могу тебе помочь?

– Как администрация нас обворовывает, расскажи?

– Да зачем тебе, что ты задумал?

– Не важно, я тебе потом расскажу, давай выкладывай..

– Ром, если они узнают, я работы лишусь..

– Ты ещё не поняла, «если они узнают», когда они узнают, уже будет поздно, если у меня получится, тебе больше не надо будет работать.

– Как это?

– Вот так, Ромчик обо всём позаботится.

– Я не понимаю, чего ты задумал?

– Я тебе объясню, но потом, когда всё получится, знаешь ведь – хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

– Это я – то Бог?

– Люд, ты чем сегодня завтракала? Политурой? Чего тор-мозишь?

– Что именно ты хочешь узнать?

– Всё, всю схему..

– Да я и сама её всю не знаю, только детали..

– Давай детали..

– Хорошо бы начертить, да под рукой только продукты..

– Вот эта уродская булочка будет директрисой – такая же бесформенная, ну и..

– Ты штатное расписание видел?

– Видел, и что?

– Сколько там человек? Двести?

– Не знаю, наверное, а что?

– А то, что реально в школе 65 сотрудников, остальные..

– «Мёртвые души», как я сам не догадался!

– Да, там работниками по зданию оформлены мужья учителей начальной школы, которые в школе ни разу не появлялись, а реально у нас один рабочий – Юрка Перегар, он всю школу обслуживает. А зарплату за них кто – то получает... племянница завхоза уже лет шесть как не работает (она замуж вышла и переехала к нему), а зарплата ей начисляется..

– Так, а ещё?

– Ты в школьных журналах никаких странностей не замечал? Не встречались тебе фамилии учащихся, которых ты ни разу не видел?

– Нет, не встречал.

– А они есть, и государство отпускает на их обучение деньги, и немалые..

– А ещё?

– Сколько у нас дворников?

– Один, этот пленный азиат всю территорию вокруг школы вспахал..

– По штатному расписанию их у нас четверо.

– Гениально!

– То же самое с уборщицами, добавь сюда ремонт – смета на одну сумму, а в реальности потрачено в разы меньше, вон на втором этаже стеклопакеты поставили, так через неделю два вывалились, хорошо никто не пострадал, а почему? Наняли каких – то беженцев за копейки, а они эти стеклопакеты только по телевизору видели, не знали с какой стороны

к ним подойти.

– Ещё!

– Ещё премии, выписываются на одну сумму, а получаете вы другую.

– У меня целых пять тысяч было перед новым годом!

– Столовая заказывает определённое количество еды, но дети – то болеют, пропускают уроки, догадайся – куда уходит остаток?

– Потрясающе!

– Наверняка есть и ещё какие – то способы, это только то, что известно мне, а я – простой бухгалтер.

– Люд, так ты тоже с этого имеешь свой гешефтик, как вы денежки дербаните, поровну?

– Я – нет, мне не доверяют..

– Ммм, жалко, ну ладно, ты меня просто воодушевила, слушай, давненько я тебе в любви не признавался – я вскакиваю со стула, залезаю на стол, и ору на весь зал – люди! Я люблю эту женщину! Люблю мою милую! Так люблю, что боюсь – изнасилую!

Немногочисленные посетители недоумённо смотрят на меня, покручивая пальцем у виска, Люда хохочет как сумасшедшая, вышедший с кухни официант, увидев меня на столе, от изумления роняет тарелки на пол, наш обед быстро превращается в комплексное блюдо...

16.

– Купила, алюминиевые купила!

– Это вы о чём, простите?

– Врач, хапуга, сказал, что ему пластиковые нужны, по три тысячи штука, где я такие деньги возьму – вот я в интернете искала и нашла, судно алюминиевое, цена 250 рэ, самое оно!

Протушняк – учитель начальных классов, покрытая герпесом, с какими – то лишаями на лице, шее и руках, имела гадкую привычку подходить вплитык и громко шептать, оплёвывая собеседника, она знала всё и про всех, если верить ей, то у неё связи в Совете Федерации, Госдуме и администрации президента, при этом она постоянно жаловалась на нехватку денег, и маленькую нагрузку, и грозилась сделать звоночек знакомым, чтобы исправить творимую по отношению к ней несправедливость.

– Сегодня приезжала Ерохина из департамента ..

– Кто это?

– Она всегда приезжает разбираться с жалобами, новое письмо пришло, про Гнилососкину, про все её дела написано, про то, как она с детским питанием мухлюет, как сумки со жратвой из столовой тащит ежедневно, про всё, ну вот – она подошла вплитык, и один из её плевков попал мне в глаз, инстинктивно я сделал шаг назад, и упёрся спиной в стену, Протушняк разорвала дистанцию, и попыталась взять меня за руку, чтобы избежать телесного контакта, я спрятал руки за спиной.

– Директриса вызвала к себе Лизоблюдов и Подмахайло, а Ерохина спрашивала у них – как работает ваша бухгалтерия?

Довольны ли вы зарплатами? Регулярно ли вам начисляют премии?

Я с содроганием чувствовал, что нижняя часть лица у меня обильно покрыта чужой слюной, получилось что – то наподобие косметической маски.

– А эти твари, вместо того, чтобы пожаловаться, кивали головами, и пели о том, какая прекрасная у нас зарплата.

– Они не потребовали уменьшить зарплату, а то и вовсе отменить её – мы сами готовы доплачивать администрации за счастье работать здесь..

Протушняк взяла паузу, а затем громко расхохоталась, обдав меня целым гейзером слюны.

– Отлично! Гха – хаа – ха! Вы – остряк! А эта сучка – Паулина, пишет замены мне каждый день, я ей говорю – зачем? Не надо мне, ведь деньги за замены по полгода не выплачивают, а она всё пишет и пишет..

Проходящая мимо Паулина, приветственно похлопала Протушняк по плечу, та отлепилась от меня и устремилась к завучу.

– Я говорю Роману, что если бы не вы, я бы с голоду подохла, только замены меня и спасают, живу благодаря вам, Паулина Теодоровна!

В руках Паулины появился платок, которым она ловко прикрыла нижнюю часть лица, предохраняясь от дружелюбного слюноизвержения собеседницы, Протушняк никак не отреагировала на этот недружественный жест, оживлённо

беседуя, подружки скрылись за поворотом, чувствуя приступ дурноты, я добрёл до кабинета, и с наслаждением умылся над раковиной. До звонка оставалось пять минут, схватив книжку с тестами, я зашёл в канцелярию, и начал ксерокопировать работы. Размеренный шум ксерокса вверг меня в полусонное состояние, сквозь дрёму настойчиво пробивался диссонирующий звук, какой – то полухрип – полустон, я насторожился, не понимая природу звуковой помехи, ксерокс барахлит что – ли?

– Убийца! Изверг! Что вы делаете?

Секретарша хватала ртом воздух, издавая невнятное сипение, словно полу сдутый контрацептив.

– Отойдите от ксерокса!

– Это почему, простите, я должен отойти?

– Ксерокс нужен для того, чтобы я могла размножить важные документы, приходящие на имя Милены Власьевны. Вот придёт сейчас письмо из департамента, а порошок закончился – что я буду делать?

– Обратитесь к завхозу, у неё должны быть картриджи..

– У школы нет на это денег!

– А куда они делись?

– Их нет!

– Правильно ли я вас понял, наша школа настолько бедна, что не может себе позволить такую роскошь, как копировальная техника?

– Вы отойдёте, или нет?

– Нет, не отойду, пока не закончу копировать.

Секретарь схватила трубку телефона, и начала набирать номер дрожащими руками – Милена Власьевна? Это Жлобичская, я звоню, чтобы сказать вам, что я увольняюсь. Почему? Я прихожу, а здесь.. этот наглый молодой человек.. такое вытворяет... Что? Нет, он ксеро – ко пи – рует! И делает это цинично, развязно... я его прошу отойти.. не драться же мне с ним... он игнорирует... это недопустимо.. да, я даю ему трубку...это вас..

– Да?

– Роман Викторович, что вы себе позволяете?

– Я ксерокопирую тесты для седьмых классов – это очень серьёзное преступление, или я могу рассчитывать на амнистию?

– Попросите об этой услуге кого –нибудь из коллег, почти в каждом кабинете есть ксероксы.

– Уже пробовал, сложилась плачевная ситуация – у всех кончился порошок, или замятие в лотке, или потерян электропровод, и так в каждом кабинете, в школе просто коллапс, ни один человек не смог мне помочь, пришлось прийти в канцелярию, и воспользоваться копировальным аппаратом.

– Мурена Вонифатьевна – очень хороший человек, ранимый, она всей душой болеет за школьное имущество, чтобы впредь не травмировать её, вы предварительно ставьте меня в известность, а я буду информировать её о том, что вы будете пользоваться ксероксом.

– Слишком сложно получается, я говорю вам, вы ей, она мне.. Ксерокс установлен в канцелярии, и является школьным имуществом, как сотрудник школы я имею право пользоваться копировальной техникой, вот я и осуществляю моё право..

– Да я совсем не против, просто извещайте меня предварительно, чтобы избежать подобных ситуации впредь, договорились?

– Я прошу прощения, но ситуация кажется мне нелепой, по – моему тут нечего обсуждать, я буду пользоваться ксероксом и впредь.

«Ранимый человек» тем временем вытащила мои листки из ксерокса, не дав завершиться процессу, отсоединила шнур от аппарата, сложила его в сумочку, и пошла к выходу.

– Медуза Горгоньевна .. или как – вас там, вы куда? Пойдите, мне надо закончить!

Владычица писчей бумаги, волшебница печати, кудесница ксерокса вышла из канцелярии торопливой походкой, оставив меня со стопкой наполовину распечатанных тестов. Собрав бумажную массу, я вышел из канцелярии и столкнулся с завхозом, от удара я упал на пол, листы бумаги рассыпались по коридору. Завхоз, возвышаясь надо мной (никакого впечатления на неё наше столкновение не произвело), выстреливала в меня фразами:

– Вы будете делать медкнижку?

– А что там надо сделать?

– Голограмму, всех врачей пройти надо..

– Буду.

– Сами будете?

– А что, есть вариант, когда кто – то сделает это за меня?

– Да, три пятьсот платите, и я всё сделаю..

– Три тысячи пятьсот рублей?

– Да.

– А это вообще законно?

– Не хотите, делайте сами, езжайте, проходите. (она непринуждённо, очаровательно рыгнула) – ой, межпозвоночная грыжа сказывается, надо заняться здоровьем (быстро положила что – то в рот, и начала ожесточённо жевать), ещё язва покоя не даёт, сплошные неприятности.. ну так, что – сами будете делать, или заплатите?

– Сам, всё сам.., съезжу, сделаю..

– Смотрите, дело ваше..

К этому моменту я собрал бумаги с пола, и немного пошатываясь (у нас с завхозом разные весовые категории) побрёл по направлению к своему кабинету.

– Роман Викторович! Подождите!

Несколько старшеклассниц бежали за мной по коридору.

– Вы ко мне обращаетесь?

– Да, к вам. От имени 11 «а» класса мы хотим пригласить вас на последний звонок, вот – одна из них протянула мне открытку – приглашение.

– Приходите, пожалуйста!

– Спасибо, обязательно приду.

В кабинете разрывался от натуги внутренний телефон – да? Алло?

– Это Навсикая Алкиноевна, они всё знают!

– Какие «они»? Чего «они» знают?

– Паулина заходила сегодня ко мне, спрашивала как мои дела, всем ли я довольна – это неспроста! Она что – то подозревает!

– Дорогая моя Навсикая (что вы со мной делаете – стихами заговорил), не надо паники, это мог быть обычный визит вежливости..

– Вежливости? От Паулины? Да вы смеётесь надо мной? Она спрашивала меня о том, насколько хорошо я владею компьютером, зачем ей это знать? Они меня подозревают, это же ясно!

– Даже если так, подозрение это ещё не доказательство..

– Легко вам говорить, не к вам же пришли. Я подумала, и решила во всём признаться, скажу что погорячилась, Милена меня простит..

– Подождите признаваться, это всегда успеется, у меня такой вопрос – когда у нас будет распределение нагрузки на следующий учебный год?

– Обычно бывает в конце мая, перед отпуском, а что?

– Дайте мне время до распределения нагрузки, а потом можете признаваться, если захотите.

– Это почему?

– Не все мы умрём, но все изменимся, как говаривал сторож моего детсада после неудачного удаления грыжи.

– Не поняла?

– Потерпите ещё чуть – чуть, немножко, как бы это ни было тяжело, вспомните, ради чего мы всё это с вами затеяли..

– Это не «мы с вами» затеяли, это вы затеяли, втянули меня в омерзительные дела с анонимками, а зачем? Неужели мне плохо жилось, а что теперь.. меня уволят.. придётся уйти, не доработав до пенсии..

– Навсикая Алкиноевна, голубушка, успокойтесь, вы хотите опустить руки и сдаться, в тот момент, когда до победы осталось несколько мгновений, не пройдёт и двух недель, и вы не узнаете нашей школы, я даю вам слово – вы мне верите?

– Если честно – не очень..

– Ну, хорошо, можете вы ещё две недели потерпеть – четырнадцать дней, из них только десять рабочих – можете?

– Я.. я постараюсь..

– Не надо стараться, надо потерпеть

– Вот опять вы за своё..

– А как же, я самый остроумный и находчивый.

– И скромный..

– Сам себя не похвалишь, три дня как оплётанный.

– Хгм... смешно

– Ну, всё, договорились, как будет у меня свободная минутка, я к вам заскочу.

Слабое – слабое, слабое звено.. Как себя чувствуют остальные соратники?

– Алло, Люд, занята? Я зайду после уроков? Хорошо.

По недовольно вздёрнутой верхней губе, и нетерпеливому постукиванию ручкой о зубы можно сделать вывод, что Люда не в духе. Целую её в щёку.

– Не выпалась?

– Выпалась.

– С кем?

– Дурак. Ни с кем.

– Чего злобствуешь?

– Слушай, а почему я никогда твоих родителей не видела?

Как я не зайду к тебе – в доме никого нет, где они?

– Вот это тебя мучает? Поэтому ты такая сердитая? Всё просто, родители мои слишком известные люди для того, чтобы появляться в моей квартире.

– Как это, кто они?

– Не могу сказать, если ты это узнаешь, мне придётся тебя убить – я хватаю её за шею, и начинаю шутливо душить.

– Отстань, нас могут увидеть, ну, правда – кто твои родители?

– Так и быть, только тебе одной расскажу, но ты должна принести клятву – вот, бери землю из цветочного горшка, ешь и клянись, повторяй за мной – я торжественно обещаю..

– Да брось ты, хватит придуриваться, правильно про тебя Демоника Агеноровна сказала – ты какой – то мутный, я про

тебя ничего не знаю, какой ты на самом деле, всё у тебя секреты какие – то..

– А кто это такая – Демоника..

– Главный бухгалтер..

– Ах вот оно что, ты наслушалась вражеской пропаганды, поверила ей..

– Почему вражеской?

– Ты что, не знаешь, она домогалась меня, а я, как чистый и целомудренный мальчик, отверг домогательства дряблой бабуси, вот она и злобствует – нет хуже врага, чем отвергнутая женщина..

– Я тебе не верю, ты всё выдумал.

– Правильно, это я так шутю..

– Почему она тебя не любит?

– Откуда же мне знать? У неё спроси.

– Так, где твои родители?

– Ты заставляешь меня грустить, воспоминания о родителях всегда вызывают у меня слёзы.. вот.. я уже на грани.. сейчас.. ты хочешь увидеть меня плачущим?

– Не паясничай, давай по – серьёзному..

– Я очень серьёзен, так и быть, только тебе одной скажу на ушко, иди сюда, без права разглашения, готова? Не вижу готовности, ты слушаешь, внимательно? Нет, ты ещё не готова, я вижу, как заинтересованно блестят твои глаза, ты расскажешь всем о том, что я сказал? Я прав?

– Ну, давай, не томи, говори уже!

– Подойди ближе, ближе.. ещё.. вот так, слушаешь, да?
Ох, чего – то меня затошнило, срочно требуется инъекция...
помоги...

Я валюсь на стол, шумно с присвистом выдыхаю (как боксёр во время удара), у меня дёргается щека – аггххр.. уэээ..

Люда бежит ко мне, с круглыми от испуга глазами – какая инъекция, где лекарство.. что делать?

– Там.. внизу...у меня в портфеле...

– Что у тебя там? Где лежит?

– В портфеле лежит свёрток... быстрее беги... целлофановый пакет...в горошек..

Она быстро убегает, я встаю со стола, вытаскиваю заранее заготовленную флешку, и копирую документы с её ноутбука, процесс ещё не завершён, а она уже врывается в кабинет, красная, растрёпанная, механически сдувая падающую на глаза прядь волос, она недоумённо смотрит на меня – тебе лучше?

– Сейчас будет, пакет принесла?

– Да, что в нём?

Я разворачиваю пакет, и достаю из него трёхэтажный бутерброд, откусываю приличный шмат, и закатываю один глаз от наслаждения – инъекция колбасы с сыром, и помидорами, – самое лучшее лекарство от сердечного приступа.

– Ты..ты... урод.. я бежала как в жопу раненная рысь, думала у тебя диабет, или сердечный приступ, я думала, что ты умираешь, а ты просто жрать хотел?

– Обожаю тебя такой.. сердитой, слушай, я даже готов прервать пищеварительный процесс ради такого дела, давай я отложу бутерброд, и мы, как это говорится – предадимся любви, а?

– Пошёл ты, иди со своей правой рукой любви предавайся, понял? А что это ты делаешь с моим компьютером? Копирование, это зачем? Ты что задумал?

– Для одной изящной комбинации, которую я задумал, мне не хватает пары штрихов, мне кажется, ты можешь мне помочь..

– Так ты специально меня отослал чтобы.. ну ты и гад..

– Ну, Людок, ты ..

– Мне всё правильно про тебя говорили, а я – то дура.. а почему у тебя в телефоне я забита под именем «невзрачненькая»? Я что, такая страшная? А?

– Люд, ну это же шутка, я..

– А кто все эти «чаровница», «глазунья», «соковыжималка», «Лена – пылесос», что они делают у тебя в контактах?

– Это однокурсники, мы дурачились во время учёбы, и придумывали друг другу прозвища, меня звали .. слушай, а ты в моём телефоне шарила, зачем? Какая низость!

– Однокурсники? «глазунья» пишет, что после прошлой встречи, она неделю в туалет сходить не может..

– Мы ели, в какой – то тошнилровке, он отравился..

– и даже крем от анальных трещин не помогает.. что это за дружба у вас?

– Ну, знаешь, среди однокурсников бывает всякое, бывают моменты острой тоски, я должен был поддержать товарища..

– А «Лена – пылесос» пишет, что у неё «задержка две недели»..

– Бедняга, им на заводе зарплату задерживают, выплачивают крайне неаккуратно..

– Ты издеваешься надо мной? За дуру держишь? Я всё поняла, ты меня использовал, тебе надо было узнать что – то о бухгалтерии, и ты.. вот же сволочь.. как ты мог.. я же тебе поверила.. я всё расскажу Милене Власьевне, и ты отсюда вылетишь как пробка.. тебе ничего не удастся сделать.. понял?

Я ласково, но с силой обнимаю её за плечи, и тяну к открытому окну, прикидывая в уме – какие шансы у крепкой, здоровой девушки выжить после падения из окна четвёртого этажа? Люда вырывается, но я держу её крепко, захватив шею в замок, окно выходит во внутренний двор, в это время тут пусто, вроде бы никого нет..

– Люда, ты меня вынуждаешь, мне не хотелось бы завершать наше знакомство на такой ноте, но приходится, я мог бы отпустить тебя, если ты пообещаешь молчать в ближайшие две недели, ты как согласна?

Как только я убрал ладонь с её рта, она попыталась закричать – ну что ты, Людок, фу, как это грубо (до подоконника остаются какие – то сантиметры), ну так что – молчание на

две недели, или молчание навсегда – что ты выбираешь?

Она втыкает ногти в кисть моей руки, выступает кровь, я не чувствую боли, чувствую досаду на то, что всё выходит так глупо, резко разворачиваю её и бью кулаком в живот, её тело сгибается, я нагибаюсь, сжимаю ладонями её щиколотки (такие изящные, тонкие) и собираюсь разогнуться, и рвануть её ноги вверх, и в этот момент слышу сзади интеллигентное покашливание – я вам не помешала?

В дверях бухгалтерии стоит БМВ – Болтанкина Мария Владимировна, словесница способная вытрясти душу из любого, самого необучаемого двоечника – я за квиточком зашла, но если вам некогда, то я загляну позже.

Люда хрипит, я отпускаю её, БМВ сурово разглядывает нас обоих, я скороговоркой произношу – девушка что – то не то съела, стала задыхаться, хотел дать ей подышать, свежий воздух, знаете ли.

– Мария Владимировна, хотите сделать доброе дело?

– Я всегда на стороне добра.

– Помните газету, пожалуйста.

– А зачем?

– Мните – мните, я всё объясню.

Она усиленно разминает газету окольцованными пальцами – хватит?

Я пробую край газеты рукой – нет, ещё недостаточно мягкая, помните еще, пожалуйста.

БМВ мнёт газету с отчётливым выражением злости на ли-

це – достаточно?

– Ещё чуть – чуть.

– Вы обещали объяснить мне, для чего это необходимо.

– Видите ли, в детстве я с родителями (выразительно смотрю на Люду) жил в коммуналке, кроме нас там жило ещё три семьи, вечные очереди на кухне, в ванную, в туалет, туалетной бумаги никогда не было, и с тех пор я глубоко убеждён – нет ничего лучше для моей спартанской задницы, чем хорошо помятая дружескими, добрыми руками газета, давайте сюда, вы действительно очень добры, а теперь я иду в туалет.

Ни слова не говоря, БМВ выходит из бухгалтерии, Люда вытаскивает из ноутбука мою флешку и швыряет на пол, я поднимаю её, заговорщицки подмигиваю Люде и говорю – твой младший братик ходит в седьмой садик, да? Такой маленький, а уже без взрослых, ай – яяй –яй, какая неосторожность, думать, что если дом рядом, то с малышом ничего не случится, современные улицы полны опасности.

Лицо Люды белеет, и становится каким – то варёным, она смотрит на меня с ужасом, не моргая. Я выхожу из бухгалтерии, напевая:

– И пусть гуляют с ней собаки, а не такой орёл как я!

17.

– Ну чего, ты готов?

– Уже пора?

– Да, пошли.

Мы входим в актовъй зал, безвкусно украшенный золотистыми шариками – кривоватая надпись «В добрый путь» отчётливо заваливается вправо, пухлые связки полусдутых шаров цвета национального флага дрябленько трепещут в углах зала.

– Дизайнера приглашали, кучу бабла отдали за эту роскошь.

– Да, впечатляет.

Мы садимся на втором ряду (первый уставлен табличками с угрожающей надписью «Администрация»).

– Сейчас будут долго и уныло петь песни, самые скудоумные дуры, из числа тех, кто и в школу – то почти не ходил, будут реветь от полноты чувств, в общем, готовься, всё будет медленно и печально.

– Откуда ты знаешь?

– Давно здесь работаю, у них двадцать лет один и тот же сценарий.

Первый ряд заполнился представителями администрации, не прошло и получаса, как заиграл гимн, по окончании которого, в центр зала вышла директриса, верная своему принципу в одежде – на ней была застиранная, бесформенная простыня, несколько раз обёрнутая вокруг мощного тела.

– Чувствую себя как в вытрезвителе, там тоже в такие штуковины клиентов заворачивают.

Учительница начальных классов, сидящая рядом, громко

фыркнула и погрозила короткопалому пальцем.

– Уважаемые товарищи родители, дорогие наши выпускники, вот и настал торжественный момент, которого мы все так долго ждали, сегодня для вас прозвучит последний звонок. Но мы не прощаемся с вами, нам предстоит экзаменационная сессия, и я верю, что в конце июня мы вновь соберёмся здесь в полном составе для того, чтобы вручить вам ваши аттестаты. А сейчас слово представляется представителю (прямо масло масленое – гха – ха) – первый ряд угодливо засмеялся – слово представляется нашему дорогому другу из управы района «Дышащее Подгузниково» Крохоборову Дормидонту Калистратовичу!

– Во, опять он тут, он тебе никого не напоминает?

– Да нет, вроде бы.

– «Афонь друг, ты мне рупь должен!»

– Точно, это же он, вылитый!

Дормидонт Калистратович чинно вышел к микрофону, взял его в руку и стоял молча минуты полторы. Испещрённое багровыми прожилками лицо, мутные, выцветшие глаза, манера шмыгать носом – всё выдавало в нём поборника здорового образа жизни.

– Эта, я, в общем, ... каждый год прихожу сюда... в стены школы... лучшей школы нашего округа.. Милена Власьевна любезно приглашает, а я прихожу, ... она приглашает, а я прихожу.. ну чёт я увлёкся... так вот.. всегда приятно здесь быть.. бывать.. приходиться.. а особенно приятно сегодня, по-

тому что ... выпускной! То есть.. последний звонок.. всех с последним звонком!

Присутствующие облегчённо выдохнули – настолько тяжело давалась человеческая речь представителю местного самоуправления – и заплодировали. Короткопалый громко крикнул – браво!

– Браво!

Несколько минут бушевала самая настоящая овация, ошарашенный таким приёмом Дормидонт растерянно бегал глазами, в этот момент подбежала ученица младших классов и протянула ему пакет, (отчётливо звякнуло бутылочное стекло), и букет цветов, ошарашенный, он громко сказал в микрофон – спасибо, я пошёл дальше, в другие школы нашего округа, надо поздравить всех!

– Слово предоставляется нашим родителям!

Две женщины вышли к микрофону, они явно испытывали неловкость от сконцентрировавшегося на них всеобщего внимания, первая из них плакала, не стесняясь, и не вытирая слёз, вторая, преодолев робость, протараторила в микрофон – дорогие учителя, уважаемая Милена Власьевна, мы благодарны вам за то, что все эти годы вы воспитывали наших детей днём, а мы.. ночью!

Аплодисментам, раздавшимся вслед за этой речью позавидовал бы сам Дормидонт, зал грохотал, свистел, слышно было восторженное – ооо! Сконфуженные представители родительского комитета подбежали к директорше, клонули её

в обе щеки, и потрусили на свои места.

– А теперь, наши любимые выпускники исполнят для вас несколько песен.

Занавес отъехал в стороны, и на сцене остались одиннадцатиклассники стоящие в три ряда. Скорбь всего мира была написана на их лицах, траурно возведённые вверх глаза, дрожащие губы, похоронное впечатление усиливал здоровенный детина в чёрном костюме, стоявший в третьем ряду, он так крепко стиснул зубы, что казалось ещё минута, и он начнёт выплёвывать раскрошившиеся осколки. Девочка с кукольными щёчками и детскими бантиками в волосах, сделала шаг вперёд и замогильным голосом произнесла – молодость моя, география..

Делая страшные глаза, дети старательно, и очень нудно затянули «по долинам и по взгорьям», в середине песни, две сестры – близняшки из второго ряда начали «таять» – по щекам потекла тушь вперемешку со слезами.

– Видал? Что я тебе говорил? Как думаешь – отчего они плачут?

– Ну, от полноты чувств, близости расставания...

– Хорош бредить, они последний раз были у меня в марте месяце, эти крошки не утруждали себя учёбой, от радости они плачут – конец мучениям! Теперь можно спокойно купить баночку «Отвёртки», сунуть в пасть сигарету и рассекать по массиву – мы круче всех! Лоховской шик, не пройдёт и года, как обе выйдут замуж, и будут нарезать вокруг школы

с колясками – мы не хуже людей, и при этом они без мата, двух слов связать не могут, вот оно – наше светлое будущее.

Песня завершилась жиденькими аплодисментами собравшихся, детина в третьем ряду не расцепил челюсти, и не произнёс ни звука, продолжая убивать взглядом кого – то из задних рядов. Две выпускницы подбежали к Навсикае, и вручили ей букет и пакет.

Зачёсанный на прямой пробор блондинчик (удивительно напоминающий полового из русских трактиров, не хватало только перекинутого через руку полотенчика) сделал приставной шаг вперёд, и звонко отчеканил – всё, что о жизни знаю я, почерпнул я на уроках обществознания!

– Я к рублю добавил пять,
и купил себе тетрадь,
экономлю, экономлю, экономлллюю!

Короткопалый хрипло и громко захохотал, песенка. Спелая на мотив «учат в школе» ,ему явно понравилась, он хлопнул меня по плечу, и показал выступающим большой палец, в зале царила гробовая тишина, присутствующие юмора не оценили.

– Если вдруг инфляция,
Или девальвация, то уроки ваши
Вспомню, вспомню, вспомнннюю!

Короткопалый бешено аплодировал, и заставил зал присоединиться, постепенно аплодисменты стали громче, и переросли в овацию, которая бушевала несколько минут.

Смачно расцеловав поздравивших его выпускниц, он пома- хал одиннадцатиклассникам букетом, и сел очень доволь- ный, и сразу же полез в пакет.

– Опять дезодорант? Да у меня их столько, что я ими пар- ты мою, хорошо оттирают чернильные пятна, сколько мож- но дарить это дерьмо? Значит, этому Шарикову из управы бухло, а мне дезодорант? Лучше бы деньги подарили!

Директриса обернулась, и бросила на короткопалого ко- роткий, и убийственный, как удар кинжалом, взгляд, тот ни- сколько не смутился.

– Что? Чего я не так сказал? Ааа,.. пошли воздухом поды- шим (это он мне).

Мы вышли на крыльцо, за углом дымили старшеклассни- ки, до нас долетали обрывки разговора.

– ... по сценарию я должен встать на колено, и пробредить – Удостойте меня чести станцевать со мною, богиня, коро- лева!

– Это кто – «королева»? Паулина? Эта сука немытая? Ты видел, какой слой штукатурки у неё на лице? Выстрел из РПГ отскочит, срикошетирует! Половины зубов нет, изо рта воняет, как из пепельницы..

– а помнишь, как она угрожала наши аттестаты растоп- тать, если мы не будем на репетиции ходить?

– а у меня из уха тоннель вырвала в девятом классе, я чуть кровью не истёк.

– а эта манера – ходить круглый год в сапожищах, такое

ощущение, что она Д Артаньян бля, только что с лошади!

– ты ей харкни в рожу, и скажи – удостойте меня чести, отхлестать вас моим пролетарским членом по вашей царственной морде!

– На ногу ей наступи во время танца, а лучше всего сделай ей заднюю подсечку, и наебни башкой об пол!

Короткопалый сладко ухмыльнулся – слышал? Зайчики, я ж тебе говорил, вся эта церемония – сплошное лицемерие, детишечки ненавидят нас, мы презираем их, администрация видала нас всех на хую, все всё понимают, но делают вид, будто действительно верят, что в школе царят всеобщая любовь и понимание.

– Да ладно, а цветы, а слёзы?

– Цветы куплены родителями, сами дети ничего не сделают, они про это и не вспомнят, они считают, что им все вокруг должны, а они только принимают это всё как должное.

– Ну, допустим, а слёзы?

– Эффект заражения – одна дура заплакала, другие подхватили, простейшая психология, люди массы – они такие, ты спроси у них – почему они ревели, они не смогут объяснить.

– Да ты – романтик, видишь в людях лучшее.

– Я просто давно в школе работаю, и немножечко изучил людишек, за последние двадцать лет они изменились и не в лучшую сторону. Какие дети учились у нас в восьмидесятые! Эрудированные, грамотные, начитанные, какие споры

мы вели с ними на уроках и в походах! О философии, об экономике, спроси у кого –нибудь из этих бабуинов, что курят за углом – что такое диалектика? В лучшем случае покрутят пальцем у виска, а скорее всего, ответят тебе, что – это такое модное извращение, наподобие БСДМ.

– О, месье знает толк в извращениях..

– Да пошёл ты, я тебе о серьёзном, а ты..

– Извращения – это очень серьёзно, очень..

– Ну – ну, ты чего – то перевозбудился, пошли внутрь, а то пропустим самое интересное – бешеный вальс старой лесбиянки.

В тот момент, когда мы вернулись в зал, упитанный розовощёкий мальчуган заканчивал читать стихи о первой учительнице.

– Легко и охотно входили вы в класс

Любили работу, а значит и нас,

А мы забывали... ммм. .. а мы забывали..

Повисла пауза, кто – то хохотнул, послышался возмущённый гул зала, стихотворец быстро нашёлся, вытащил из кармана телефон и, не смущаясь, прочёл с экрана.

–а мы забывали о папе и маме,

В часы, отведённые школьной программе!

Быстро поклонившись, он убежал за кулисы, на сцену вышла выпускница с очень смелым декольте, заканчивавшимся где – то в районе пупочной впадины. Короткопалый громко крикнул – видал? Вот это девка!

– Я не хочу в Америку на ПМЖ, я хочу – учить ОБЖ!

Хор затянул искромётную песню

– Лишь она заходит в класс,
надевай противогаз – о – о – б – ж!

Первый ряд затрясся от смеха, учитель ОБЖ смущённо подхихкивала – ну етое, ну ребят.. ну вы даёте блин..

Короткопалый ткнул меня пальцем в бок – во, смотри, в первом ряду стоит, щекастый такой, видишь?

– Ну, вижу.

– Это её сын.

– Отличник?

– Кто? Он? Да это вертикально поставленный хомяк , только жрёт целый урок, как большая белка, хрустит чем –то постоянно, и лапы у лица держит, а как спросишь его, ничего не говорит, а на глазах слёзы, неговорящий абсолютно, и никогда ни тетради, ни учебника, заходит в класс, улыбаясь, прыг на стул, и давай жрать из пакета.

– О, а вон красивая какая, во втором ряду, первая слева, хорошо учится?

– Вообще не учится, зато на прошлой неделе говорит одноклассницам – девочки, мне нужны деньги на аборт , у меня задержка.

– Ну, это нормально..

– Ага, а мы им о морали, о социальных нормах.. а вон в третьем ряду, видишь, парень спит?

В третьем ряду стоял худощавый подросток с тонкими,

арабскими чертами лица, глаза его были открыты, но затянуты какой – то мутной плёнкой, он не пел, а находился в каком – то полусонном состоянии, его покачивало из стороны в сторону, он балансировал на грани сна и яви.

– Умеет спать стоя, как конь в стойле, вот же красавчик! Приехал сюда из Дербента, говорит – хочу стать таможенником, брать взятки! Я ему говорю, а ты знаешь – чем таможенники занимаются? А он мне, как чем – взятки берут, и я буду! Он и на уроках также дергается, весь год проспал с открытыми глазами.

Песня про ОБЖ завершилась вялыми хлопками, зазвучала мелодия вальса, женская часть зала издала полустон – полувыдох, все обернулись, и мы с короткопалым тоже – от входа в зал, грациозным танцевальным шагом шёл настоящий красавец: идеально уложенные иссиние – чёрные волосы, медальный профиль, подбородок с ямочкой, атласная, загорелая кожа контрастировала с ослепительно – белым воротничком сорочки, стилизованный под смокинг танцевальный костюм сидел на нём идеально, подчёркивая стройность талии и широту плеч, в каждом движении чувствовалась упругая сила, он подошёл к Паулине, опустил на правое колено, и произнёс звучным, поставленным голосом – удостойте меня чести станцевать со мною, богиня – последовала хорошо рассчитанная пауза, и на полтона ниже, интимно – обволакивающе – королева.

Завуч начала озираться, ища поддержки у присутствующим.

щих, по лицам выпускниц и их мамаш, было видно, что на месте Папулины, они не раздумывали бы не секунды.

– Иди Поля, иди!

«Поля» встала, и сделала куцый, неловкий шажок вперёд, партнёр подхватил её, и уверенно повёл в танце, каждый раз, как она наступала ему на ногу, или делала неловкое движение, он победительно улыбался, демонстрируя кипенно – белые зубы, склонялся к уху завуча, шептал ей что – то, и, не дожидаясь ответа, хохотал, прекрасный как греческий бог, неотразимый в своей красоте, ощущая свою власть над ней в этот момент. Одновременно с последним аккордом, он поднял вверх руку партнёрши, налетевшая овация заставила Паулину покраснеть, зал бешено рукоплескал в течение нескольких минут.

– Мне кажется, или старая сволочь нежно подрумянилась в лучах всеобщего внимания?

– Ммм, да, есть немного.

– Корова, испортила такую музыку, вот же он её унизил, этот танец войдёт в историю как «танец тростинки и кувшина», лоханки и соломины, кита и шеста для прыжков в высоту!.

– Ты о чём?

– Ты что – слепой? Они специально выбрали такого партнёра – изящного, грациозного, для того, чтобы она выглядела нелепо, жирная туша топталась на месте, а он хохотал как заведённый, хотел бы я знать – какие гадости он ей

нашёптывал на ухо.

– Тебе показалось, по – моему всё было красиво..

– Это по – твоему, а по – моему, это настоящее издевательство над этой тупой лесбой.

Зал стремительно опустел, по пути в свой кабинет я встретил завхоза – заходите в кабинет 108, там накрыты столы.

– Нет, спасибо, я домой.

– Как хотите, дело ваше.

Короткопалый заглянул в кабинет – ты идёшь?

– Иду.

– Козье племя, даже на последний звонок ничего организовать не могут! Сценарий – полное дерьмо!

– Да ладно, а по – моему всё было сделано с юмором, и тонким вкусом.

– Да чего ты заладил «по – моему», как старая контуженая бабка, та тоже метлу раскинет – «по – моему... по – твоему..» всё было уныло и безвкусно, нудные песни, убогий танец, лицемерные славословия, даже пожрать не дали!

– Как не дали? Тебя не предупредили что – ли?

– О чём?

– В сто восьмом столы накрыты, я думал – ты знаешь.

– А почему мне никто не сказал?

– Не знаю.

– Ну, так пошли, пожрём?

– Не, я не хочу.

– Пошли, закинем на кишку..

– Нет, я домой.

– Ну, смотри, я пойду.

Он развернулся и побежал назад (к этому моменту мы уже обогнули здание школы).

18.

Одиннадцатиклассники обступили меня со всех сторон.

– Роман Викторович, дайте номер вашего телефона, вдруг нам понадобится ваша поддержка?

– Нет, ребята, не дам.

– Вы не хотите, чтобы мы хорошо сдали ЕГЭ?

– Хочу, но причём здесь номер моего телефона?

– Вдруг нам попадутся очень сложные вопросы, вы могли бы нам помочь.

– Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Сам погибай, а товарища выручай.

– Орёл свинье не товарищ.

– Пацаны, кто помнит пословицы про дружбу, подскажите, а то я иссяк!

– Вечер русского фольклора окончен, удачи вам на экзамене.

– Эх, Роман Викторович, а могли бы жить..

– Что, простите?

– Ничего, ничего, спасибо за поддержку.

– Мобильные телефоны сдаём, получите назад после экзамена, проходим к металлоискателю!

Школьники покорно проходили через рамку. После чего,

полицейский повторно обследовал их с помощью ручного металлоискателя. Поток экзаменуемых разбивался на две группы, и, повинувшись настенным указателям, они поднимались к аудиториям. С левой стороны раздался шум, и с лестницы скатился выпускник с окровавленным лицом.

– Что там?

– Драка.

– Когда успели?

– Долго ли умеючи?

Медсестра останавливала кровь, промокая губу ученика тампоном с перекисью.

– Из – за чего подрались?

– Да он сказал, что у меня очки лоховские, а у меня Рэй – Баны, родные, я в Барселоне в дьюти – фри покупал..

– И что?

– Ну, я и дал ему в морду...

– А он?

– А он мне..

– Пообщались, в общем.

– Ну да.

Я расслабленно стою у входа, ЕГЭ не требует от сопровождающих учителей ничего, кроме терпения, надо только дожидаться окончания экзамена, и довести детей от пункта проведения до своей, родной школы.

– Вы не видели мальчика светленького такого? Только что зашли, а его уже нет!

– Ну, был тут такой.

– «Был»? Где он?

– Сказал, что ему надо выйти на минутку.

– «Выйти»? Куда вы смотрели!

– Да что случилось?

– Он же напьётся! У него диагностировали алкоголизм второй степени!

– Простите, пожалуйста, у него на лбу нет таблички – я алкаш, держите меня крепче! Откуда же мне знать?

– Где его теперь искать? Вадик! Вадик! Я побежала искать Власова, он убежал!

За исключением парочки альтернативно одарённых выпускников, пришедших на экзамен с загранпаспортами, и алкаша, которого быстро нашли, (он успел выполнить возложенную на него миссию, и его душа пела) – где этот ваш сраний йэгэ? Да я с полпинка его напишу! Давайте бланк! Сто баллов!

– Лёшенька, успокойся, уже не надо ничего писать, сегодня не надо.

– Эт, почему это?

– В следующий раз, придёшь в следующий раз.

– Что я, лох что ли?

«Лёшенька» хватает за воротник блузки проходящую мимо учительницу – бланк давай, курица!

Учительница шарахается в сторону, слышен треск рвущейся ткани, в руках «Лёшеньки» остаётся приличный ку-

сок блузки, на дебошира набрасывается охранник, сопровождающая алкаша женщина хватается за голову, и громко кричит – не бейте его, он болен!

ЕГЭ проходит в тёплой, семейной обстановке. Через полчаса первые дети начинают покидать аудитории.

– Чего так рано вышел?

– Всё равно я не знаю ничего.

– Зачем выбрал обществознание?

– Я думал, это легко, предмет – то устный, можно логически догадаться...

– Я вам говорила, без долгой, систематической подготовки экзамен не сдать!

– А, плевать, аттестат я всё равно получу.

По лестнице спускались, рыдая, две ученицы из моей школы.

– Что случилось девочки?

– Они ..нам.. не дали закончить..уэээ..

– Не понял, кто вам не дал закончить?

– Мы попросили дополнительные бланки, а нам сказали, что до конца экзамена осталось полчаса, и бланков нам не дадут, мы не дописали эссе...

– А, вот оно что, сейчас мы решим этот вопрос.

Я иду к двери, на которой висит табличка «Руководитель ППЭ». Какая – то дама пытается помешать мне войти, я аккуратно, но с силой отодвигаю её с дороги. Пышная блондинка сидит за компьютером, при виде меня она удивлённо

поднимает брови – вы ко мне?

– Вы – руководитель ППЭ?

– Да.

– Дайте мне, пожалуйста, бумагу, я напишу претензию о нарушении процедуры проведения экзамена.

– Стоп, стоп, какую претензию?

– Ваши сотрудники не дали выпускницам дополнительные бланки, мотивируя это тем, что до конца экзамена осталось полчаса, это нарушение процедуры, вы обязаны предоставлять дополнительный бланк, даже если до конца экзамена остаётся минута.

– Подождите, вы из какой школы? Из 777? Милена Власьева директор?

– Да.

– А ведь вы – учитель истории?

– Да.

– А вы знаете, что вы не имеете права сопровождать детей на экзамен по вашему предмету?

– Ну и что?

– Я напишу про вас, что вы сопровождали детей на экзамен по обществознанию, несмотря на то, что вы – учитель истории.

– Пишите, я не сам себя назначил, уж если у кого и будут неприятности, так это у Милены Власьевны.

– Она предупреждала меня насчёт вас, какой вы горячий! Но ведь мы можем разрешить конфликт без написания бу-

мажек. Чего вы хотите?

– Допустите девочек в аудиторию, и дайте им закончить экзамен.

– Хорошо.

Девчонок отвели в аудиторию, и они писали ещё целых полчаса. В тот момент, когда мы уже выходили из здания школы, мой телефон начал вибрировать – алю, откуда звон?

– Роман Викторович? Это Милена Власьевна! Что вы там собираетесь писать? Какие претензии? Я вам запрещаю! Вы слышите? Не пишите ничего! Ни в коем случае! Я вас уволю!

– Ваш голос подобен сладчайшему колокольному звону – «я вас уволю!», это просто музыка, сладкая музыка для моих ушей.

– Что вы наделали? Что вы там написали?

– Ничего я не написал, и не собирался.

– Мне звонит руководитель ППЭ, говорит, что вы скандалите, угрожаете..

– Это не совсем, правда, а если быть точным – совсем не правда, я просто отстаивал интересы наших учеников.

– Что? Какие интересы?

– Двум ученицам не дали закончить работу, я разрешил эту ситуацию, и по – моему, сделал это очень изящно, девочкам позволили дописать, и дали им столько времени, сколько необходимо.

– Значит всё хорошо? Никаких жалоб вы не писали?

– Нет, не писал.

– Хорошо, когда вернётесь в школу, зайдите ко мне по поводу нагрузки.

– Обязательно зайду.

19.

Я залил видео на ютьюб, отправил электронной почтой письмо со ссылкой на это видео, нашёл в шкафу файл из непрозрачного материала, и положил внутрь несколько учебных работ (для вида). В этот момент, мелодично сработал внутренний телефон – Алло, Роман Викторович, это Милена Власьева, я вас жду.

– Иду.

Кроме директрисы, сидевшей за столом, в кабинете присутствовала Паулина, она вальяжно развалилась на белом кожаном кресле (хочет насладиться моим унижением). Я сел справа от стола, на почтительном расстоянии от представителей администрации.

– Роман Викторович, нам было очень интересно работать с вами, вы внесли в наш коллектив определённую свежую струю, но, к моему большому сожалению, у нас нет часов для вас, мы не можем обеспечить вас нагрузкой на следующий учебный год. Но вы – молоды, талантливы, и я уверена, что вы без проблем трудоустроитесь в любой другой школе. Самое обидное, что поначалу вы производили очень хорошее впечатление – детям нравились ваши уроки, родители писали благодарности на сайт департамента образования, но потом... потом вы стали демонстрировать дурные манеры и от-

сутствие воспитания. Первые успехи вскружили вам голову, и вы почувствовали себя звездой, не так ли? Ваш снобизм, нежелание прислушиваться к мнению старших, более опытных коллег, эти ваши выкрутасы с больничным, вы, правда, думали, что это очень оригинально – уйти на больничный, и при этом появляться в людных местах, демонстрируя пренебрежение к нам? Это жалкая затея, подобный стиль поведения подходит инфантильному мальчику, но не взрослому мужчине. Я не могу быть вашей нянькой, мне некогда удовлетворять капризы обиженной мальчишки, вам пора повзрослеть, в конфронтации с администрацией школы ещё никогда, никому не удалось выйти победителем. Вам нужно хорошенечко подумать – чего вы хотите добиться в этой жизни? Пока что, вы ещё ничего из себя не представляете, кроме гонора и заносчивости у вас нет ничего. Возьмитесь за ум, и может быть, ваша жизнь изменится к лучшему.

Паулина злорадно улыбалась. Директриса выдохнула и откинулась на спинку стула.

Я расстегнул верхнюю пуговицу, громко вздохнул, встал и подошёл к окну.

– Вам нехорошо, Роман Викторович? Хотите глотнуть свежего воздуха?

Улыбка Паулины стала просто неприличной, она подалась вперёд, ожидая моего обморока.

– Что вы молчите, дать нашатырю? Не хватало ещё, чтобы вы потеряли здесь сознание, такой здоровый лось!

Я издал рыдающий, горловой звук – я.. мне.. меня..

– Что вы там бубните? Что вас?

– У меня с детства есть одна особенность, когда я хочу смеяться, у меня начинают течь слюни, мне просто необходимо куда – нибудь плюнуть, как человек воспитанный, я не могу плевать на пол в присутствии дам, а вот в окно – можно.

Я громко отхаркиваюсь, предварительно погремев соплями, Паулина инстинктивно подаётся назад, на лице директрисы застыла брезгливая маска.

– Блестящая речь, Милена Власьевна! Какая пронизательность! Все мои недостатки вскрыты, и выставлены на всеобщее обозрение! Фрейд жалко плачет в сторонке, несчастный дилетант, вы меня просто уничтожили! «Снобизм», «инфантилизм» – откуда вы берёте такие чудесные формулировки? А вот это ваше поучительное «вам нужно хорошенечко подумать» – да вы – актриса, да? Вот сейчас, я – строгий администратор, а здесь, я подпущу капельку сочувствия «вы молоды.. и без труда трудоустроитесь», вы не мечтали о сценической карьере, а то, у меня есть парочка знакомых в нужных организациях?

– Прекратите паясничать, у вас истерика..

– Ничего подобного, фильм такой был «Мимо, мой Мио».

– Роман Викторович, ваше поведение кажется мне...

– Уже час прошёл, а звонка нет, наверное, ушли все, вторая половина дня всё – таки, ну так и быть.. Милена Власьевна, ваш компьютер включён?

– Да.. а что собственно..

– Зайдите в ютьюб.

– Зачем?

– Сделайте себе одолжение. Зашли?

– Да.

– Наберите в поисковике «Как школа 777 проходила аттестацию». Набрали? Включайте воспроизведение.

Послушался шум, затем появился звук – .. наша школа должна пройти аттестацию...а я – то здесь причём? ....это Мзда.. я приказываю вам помочь этим детям....

– Как там, качество записи нормальное?

– Да..

– Мзду хорошо видно? А Паулину Теодоровну? Сколько там просмотрев?

– Уже за сто перевалило..

– Очень хорошо.

Паулина подбежала к компьютеру, схватила мышку и стала судорожно нажимать на неё – должен быть способ это удалить, Мила удали это, это же подсудное дело!

– Не суетитесь, Паулина Теодоровна, на сайт департамента образования отправлено электронное письмо со ссылкой на это видео..

– Зачем ты это сделал, мерзавец? Ты понимаешь, что теперь будет..

– Это только начало, Милена Власьевна, наберите в поисковике «Невинные шалости завуча из 777 школы», набрали?

– Что там Мила? Не молчи! Что там?

Директриса молчала.

– Обожаю лесбийское порно, там ваши розовенькие забавы с мадам Первухиной, сладкие утехы, которым вы предавались в комфортабельном салоне её автомобиля..

– Чем я занимаюсь в нерабочее время – это моё личное дело!

– Правда – правда, одна неувязочка, автомобиль припаркован возле школы, а значит, всё происходит на виду у детей, а в левом нижнем углу показано время – 10 часов 20 минут, время самое что ни на есть рабочее..

– Откуда у вас эта запись? Где вы её взяли?

– Мир не без добрых людей.

– Я этого так не оставлю!

– Да – да, напишите мне из тюрьмы письмо..

– Мы ещё не закончили с тобой, щенок! Тебе это с рук не сойдёт!

– Милена Власьевна, давайте попросимся с Паулиной Теодоровной, нам надо поговорить как взрослым людям, без этих визгов.

– Поля иди..

– Что, ты мне не поможешь?

– Иди, поговорим потом.

Лицо завуча, стало каким – то мокрым, на нём проступили все морщины и борозды усталой, пожилой женщины, но боевого задора она не утратила, и вышла из кабинета своей

обычной походкой, наклонив голову к правому плечу.

Директриса закурила, помолчав несколько минут, она произнесла – я так понимаю, что это не всё, что вы хотели мне сказать и показать?

– Вы правильно понимаете, здесь – я поднял и помахал в воздухе файл с детскими работами – здесь бухгалтерские документы, из которых следует, что вами совершены нецелевое расходование бюджетных денег, мошенничество, хищения, в общем – вся глава УК о преступлениях против собственности, деяния предусмотренные статьёй 159 и 160 нашего УК, а поскольку вы действовали не в одиночку, а в составе организованной группы, то отбывать вам придётся не менее десяти лет, но впрочем, я тороплюсь, это уж как суд решит, срок заключения будет зависеть от степени участия каждого. А если мы добавим сюда подкуп должностного лица при исполнении (я имею в виду аттестацию, и проверяющую Мзду), ваше положение становится совсем плачевным – по десяточке на душу населения, не меньше!

Директриса, несмотря на бледность, подавленной не выглядела.

– Роман Викторович, так дела не делаются, если бы вы хотели всё это придать огласке, вы бы не пришли сюда, очевидно, что вы пришли поторговаться, чего вы хотите?

– Поторговаться? А может быть я – борец за идею, а сюда пришёл для того, чтобы насладиться вашим унижением?

– Вы уже насладились унижением Паулины Теодоровны,

так чего же вам нужно? Денег?

– Фу, как примитивно вы мыслите! Денег! Узко ставите вопрос, как танцор ноги.

– А чего вы хотите?

– Всего.

– То есть?

– Для начала меня устроит должность заместителя по воспитательной работе со скромным окладом в сто, нет в сто пятьдесят тысяч..

– А что мне делать с нынешним завучем?

– Это ваша забота, вы – опытный администратор, что –нибудь придумаете.

– Дальше.

– Дальше мы разделим с вами ставки дворников, рабочих по зданию, уборщиц, в общем, всех мёртвых душ, оформленных в нашей школе.

– Вы же понимаете, что это – невозможно, я не беру этих денег себе...ну, то есть не все..

– Всё возможно, вы сможете, с вашими – то способностями! Затем, вы сделаете меня заслуженным учителем, какая процедура? Грамота министерства образования – первый шаг, правильно?

– Нет, не правильно, для того, чтобы стать заслуженным учителем, необходим стаж не менее двадцати лет...

– Ну ладно, значит отличником народного просвещения, короче, я не собираюсь задерживаться в вашей помойке, мне

нужен статус госслужащего со всеми льготами и привилегиями, я хочу попасть в число избранных, и делать карьеру..

– Я не верю своим ушам, вы правда думаете, что у вас всё получится?

– Ну, с вами же получилось, там тоже люди работают со своими слабостями и страстишками..

– Невероятно..

– Очень даже вероятно, но это ещё не всё. Надо избавиться от Навсикаи.

– Почему?

– Это она писала анонимки, организация, которую я представляю, установила, что письма отправлены с её компьютера.

– Организация? Так вы..

– Следователь прокуратуры, отдел по надзору за исполнением закона о противодействии коррупции.

– Я..я не понимаю..

– А вам и не надо, делайте то, что вам говорят. Далее, необходимо уволить бухгалтера Репину..

– «Невзрачненькую»? Я думала, что у вас с ней..

– Не надо этого, как только вы начинаете «думать», начинаются проблемы, в утечке документов виновата она. Дальнейшие инструкции будете получать в оперативном порядке, вопросы есть? Вопросов нет. Я думаю, нет необходимости разьяснять вам, что всё услышанное разглашению не подлежит, даже подругам – ни – ни!

– А что будет с Полей?

– А всё. Забудьте про Полю, в ближайшее время ей придётся ответить на множество неприятных вопросов, она находится на пороге серьёзных изменений, её жизнь расцветёт новыми красками – допросы, ходатайства, суд, а почему вы спрашиваете?

– Вы не понимаете, с кем вы связались, у Первухиной связи в наркомафии, она может доставить вам серьёзные неприятности..

– Спасибо за предупреждение, но это вряд ли.

Я добегаю до своего кабинета, и хохочу как безумный, глупая овца поверила всему! Вытаскиваю детские работы из файла – блеф удался! Воодушевлённый, я беру портфель и буквально лечу к выходу из школы. Сбегая со ступенек, я слышу вежливое покашливание – закурить не будет?

Я поворачиваюсь в сторону говорящего – я не курю.

– Очень жаль.

Удар в затылок бросает меня лицом на асфальт, он такой близкий, выщербленный, серый..

– Ищи у него в портфеле, голубой файл.

– Голубой – голубой, не хочу играть с тобой!

Рот наполняется чем – то вязким, я пытаюсь сказать этим людям, что в портфеле ничего нет ..

– Чего он там булькает? Похоже на букву «д». «Де–е—б»?

Дебилы! Вот что я хочу сказать, но глаза заливают красным, и свет постепенно меркнет...

20.

..Ну а теперь, криминальные новости. Вчера вечером, у школы номер 777 был обнаружен труп учителя истории Бесполова. Гражданин Бесполов получил повреждения несовместимые с жизнью – он скончался вследствие удара по затылку, нанесённого тупым предметом. Основной версией случившегося, полиция считает ограбление. Директор школы номер 777 Рюрикович М.В заявила, что погибший был одним из лучших учителей школы, и только вчера был назначен на должность заместителя директора по воспитательной работе, и представлен к грамоте министерства образования. О погоде расскажет мой коллега..